

СЕРИЯ «РУССКАЯ ИТАЛИЯ»

«ITALIA DEI RUSSI»

Куратор серии М.Г. Талалай

Collana a cura di Michail Talalay

TAMARA V. VERESOVA
MICHAEL G. TALALAY

L'UOMO DEL RINASCIMENTO

IL PITTORE NIKOLAJ LOCHOV E LA SUA CERCHIA

MOSCA
STARAJA BASMANNAJA
2017

Т.В. ВЕРЕСОВА
М.Г. ТАЛАЛАЙ

ЧЕЛОВЕК РЕНЕССАНСА

ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ ЛОХОВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Москва
«Старая Басманная»
2017

УДК 929(470+450)
ББК 85.143(03)-8 Лохов Н.Н.

Вересова Т.В., Талалай М.Г.

Человек Ренессанса. Художник Николай Лохов и его окружение. — М.: Старая Басманная, 2017. — 376 с.: ил.

Первая научная биография Н.Н. Лохова (1872–1948), псковича-революционера, отошедшего от политической борьбы ради культурного просвещения соотечественников через шедевры итальянского Возрождения и обосновавшегося с этой целью во Флоренции. Десятки его работ (называемых художником не копиями, а воссозданиями) готовились для отправки на Родину, но из-за драматических событий в итоге оказались в американских музеях. Используются материалы государственных, общественных и частных архивов в России, Италии, Великобритании, США.

ISBN 978-5-906470-99-7

© Т.В. Вересова, текст, подбор иллюстраций, 2017
© М.Г. Талалай, текст, подбор иллюстраций, 2017
© ООО «Старая Басманная», оригинал-макет, 2017
© МГХПА им. С.Г. Строганова, иллюстрации (стр. 20–24), 2017

ГЛАВА 3

**ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ
НИКОЛАЙ ЛОХОВ
ЭРИК ПРЕН**

**ДРУЖБА
ВНЕ
ГРАНИЦ**

Выставка Е. Климова и Э. Прена.
Рига, 1937. Из архива А.Е. Климова

I.

ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ – ЭРИК ПРЕН

Евгений Климов и Эрик Прен¹ были знакомы еще в Риге, но если для Климова Рига являлась почти родной (он родился в Митаве², в 42 км от Риги), то в судьбе Прена она была, пожалуй, случайным явлением, которое, однако, оставило неизгладимый след в его личной и творческой жизни.

Евгений Климов, школьные годы проведенный в Петербурге и Варшаве, в Ригу вернулся в 1921 г. Учился в Академии художеств – в мастерской профессора живописи Яниса Тилберга, где историю искусства читал Борис Виппер, русский ученый с мировым именем. Закончил ее в 1929 г. и более десяти лет преподавал живопись, рисование и историю искусства в Ломоносовской гимназии и Латвийском университете. С 1929 г. изучал технику иконописи под руководством старообрядческого мастера П.М. Софронова, стал реставратором. Первое путешествие в Эстонию – Ревель, Нарву, Печоры и Изборск³ – предпринял летом 1927 г. и с этого времени старался бывать здесь каждую весну; в 1928 г. впервые посетил Псков. Живописный Псков и Печорский край станут с тех пор постоянным мотивом его творчества. В начале 1930-х гг. изучает все, что связано с русскими людьми, обычаями, стариной;

¹ В официальных источниках существует двойное написание фамилии: Прен и Прэн.

² Митава (ныне Елгава) известна с 1226 г., замок Ливонского ордена построен в 1265 г. С 1578 по 1795 г. – столица Курляндского герцогства. В 1795 г. вошла в состав Российской империи и до 1920 г. Елгава была центром Курляндской губернии. Главная достопримечательность – дворец Бирона, построенный Растрелли, разрушенный в годы Второй мировой войны, но восстановленный в советское время.

³ Исконно русские Печоры и Изборск с 1920 по 1940 г. входили в состав Эстонии (по Тартускому [Юрьевскому – в документах России] мирному договору между Советской Россией и Эстонией от 2 февраля 1920 г.).

рисует Псково-Печерский монастырь, бывает в старообрядческих селах – и в 1937 г. в Риге издается альбом его графики «По Печерскому краю», получивший благожелательные отклики видных деятелей культуры русского зарубежья – И.А. Ильина, И.С. Шмелева, А.Н. Бенуа. Для православных храмов Риги и Елгавы создает мозаичные иконы, реставрирует живопись рижского Рождественского кафедрального собора и пишет для него храмовую икону «Рождество Христово». С 1933 по 1940 г. Климов занимал пост исполнительного секретаря Общества художественного просвещения «Акрополис», в 1940-м назначен заведующим Отделом русской истории рижского Городского музея, затем заместителем директора. В первые же дни оккупации Риги немцы отстраняют Климова от работы в музее – он возвращается к педагогической деятельности. В 1942 г. в составе Псковской Православной миссии посетил Псков, написал эскиз мозаичной иконы «Троица» для ниши Троицких ворот Кремля – икона будет доставлена в Псков после войны и, поскольку ворота были разгромлены, установлена в Троицком соборе, а на своем «законном» месте – лишь в 2003 г. В военные годы выпустил в Риге альбомы литографий «Рига», «По Прибалтике», «Псков». В 1944 г. приглашен в Прагу – Археологический институт им. Н.П. Кондакова – на должность реставратора икон. В 1944 г. переехал к семье в Заац (Жатец) в 75 км. от Праги, в августе 1945-го перебрались в деревню Хейденхейм, Германия (американская зона); спустя четыре года переселились в Канаду.

Эрик Прен родился в Москве в семье потомственных предпринимателей, выходцев из Великобритании. До 1914 г. работал адвокатом, на Первую мировую ушел добровольцем. Семья в 1920 г. выехала к родным в Англию, затем перебралась поближе к России – в Латвию, где жизнь была дешевле. Эрик Дмитриевич присоединился к родителям в 1923 г. и именно в Риге «переквалифицировался» в художника под руководством профессора живописи Яниса Тилберга и пейзажиста Н.С. Высотского и уже в 1928 г. выставлялся вместе с другими рижскими художниками в Копенгагене, затем в Берлине и снова в Копенгагене. Особенно сошелся с Евгением Климовым – они

вместе и порознь ездили на этюды в Печорский край и в январе – феврале 1937 г. в Риге организовали первую совместную выставку живописи и рисунков с видами Изборска и Печор (63 работы Е. Климова, 49 – Э. Прена). В 1938 г. в Риге прошла первая персональная выставка Эрика Дмитриевича.

Необходимо отметить, что молодая чета Пренов (Эрик в 1931 г. женился на Ирине Гартье) подружилась с семьей Климовых и когда в 1939 г. у Климовых родился сын Алеша – его крестным стал Э.Д. Прен.

На время мы опустим поездки Эрика Прена из Латвии в Италию в середине 30-х и встречах с Н.Н. Лоховым – о них рассказ впереди... Осенью 1939 г., в начале Второй мировой войны,

Прены оказались в Лондоне, но, несколько раз лишившись во время бомбежек жилища, перебрались на север Шотландии и после того, как в 1941 г. этюд маслом Прена был принят на выставку Королевской Академии Шотландии, Прены прочно осели в Эдинбурге⁴. До конца 40-х гг. Эрик Дмитриевич выставлялся в Академии ежегодно. Его пригласили в Общество шотландских художников, в выставках которого он участвовал, и в Королевский институт города Глазго. Его работы на-

Прен – Эрик и Ирина, Флоренция (пьяцца дела Синьория), 1953.

Из архива А.Е. Климова.

Публикуется впервые

⁴ *Пайман А., Дэвис Р.* Эрик Прен и его круг // Эрик Прен и его круг. 1894–1985. Каталог Пермской Государственной Художественной галереи. Пермь, 2004. Предисловие.

ходились в частных галереях в Оксфорде и в 1949 г. состоялась его персональная выставка шотландского пейзажа в «Scottish Gallery» в Эдинбурге.

Позднее, оказавшись неприспособленным к условиям рынка, художник писал бедствующему к концу жизни А.Я. Белобородову⁵: «Людей, покупающих то, что нравится, не осталось – покупают имена, то, что в ценности не упадет»⁶.

Э.Д. Прен 18 лет читал лекции об итальянском искусстве студентам Эдинбургского колледжа искусств: еще в 1938 г. во Флоренции вышел его, совместный с Ириной, «Краткий словарь итальянских художников» на англ. яз.⁷; с 50-х гг. Э.Д. становится специалистом по тосканскому искусству XI–XIII вв. – его исследования печатались в профессиональных журналах и по-английски, и по-итальянски.

С 1952 г. Прены почти ежегодно проводили два–три месяца в Италии, где Эрик Дмитриевич вновь чувствовал себя «мастером» в обществе Аннигони⁸, Белобородова, Климова, семьи покойного Лохова, Ольги Шор (Дешарт) и Дмитрия и Лидии Ивановых. Они с женой дружили с представителями англиканской церкви при Ватикане Джоном Финдлоу и с русской его женой, тоже Ириной, с англо-итальянской семьей Кавалетти, с реставраторами Лаурой и Карлом Моро и с искусствоведом Марией Луиджи. Словом, была своя среда.

⁵ Белобородов Андрей Яковлевич (1886, Тула – 1965, Рим) – акварелист, график, архитектор. В 1912–1915 гг. исполнял интерьеры парадных залов в здании Кабинета Его Импер. Велич. в Аничковом дворце (Невский пр., 39) и особняка Г.Г. Черткова (Дворцовая наб., 22). Князь Ф.Ф. Юсупов пригласил его заняться перedelкой нижнего этажа дворца на Набережной Мойки, 94.

В 1913–1915 гг. занимался поиском памятников народного зодчества в Лужском и Гдовском уездах. Описал исторические и художественные памятники архитекторов А.Н. Воронихина и Ж. Тома де Томона. В феврале 1920 г. эмигрировал сначала в Финляндию, потом в Англию. С 1920 по 1934 г. жил во Франции, осенью 1934 г. переехал в Рим. См. *Шишкин А.Б.* Из итальянских хроник Андрея Белобородова // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. М.: Русский путь, 2006. С. 465–486.

⁶ *Пайман А., Дэвис Р.* Указ. соч., Предисловие.

⁷ *Prehn E., Prehn I.* A Short Lexicon of Italian Painters. Firenze: Sansoni, 1938.

⁸ Пьетро Аннигони (1910–1988) – известный итальянский художник, стремившийся продолжить традиции Ренессанса.

Осенью 1973 г., сдав книгу статей в издательство «Nuovo edizione Enrico Vallecchi»⁹, Прены навсегда расстались с Италией, почувствовав, что шаткое здоровье и инвалидный режим становятся обременительными для друзей – да и просто не по силам им стало¹⁰.

Дважды – в августе 1964-го и октябре 1970 г. – с Пренами в Италии по несколько дней проводил Алексей Климов, крестник Эрика Дмитриевича.

За последнее десятилетие у Прена, как он писал Белобородову, «просохли краски в банках», и жизнь ограничилась эдинбургским домом, куда однако приезжали и старые и новые друзья – среди них и Дмитрий Сергеевич Лихачев. Там же Эрик Дмитриевич, приняв православие, тихо скончался на 91-м году жизни.

Картины его разошлись по частным собраниям Европы, Америки и Австралии, по музеям и хранилищам Шотландии и Италии. В 1986 г. «Общество изящных искусств в Эдинбурге» организовало посмертную выставку темперной живописи Прена. Иллюстрированный каталог с предисловием Э. Гордона, почетного секретаря Королевской Шотландской Академии в 1973–1978 гг., свидетельствует о высоком художественном уровне и своеобразии экспонатов. А всё же, как писал по поводу выставки Дмитрий Вячеславович Иванов: «Хотя он работал главным образом в Западной Европе, основа его живописи была русская и он преданно следовал ее традициям. Было бы

Е. Климов. Эрик Прен, 1974.
Из архива А.Е. Климова

⁹ Книга вышла спустя три года: *Prehn E. Aspetti della pittura medievale toscana* [Аспекты средневековой тосканской живописи]. Firenze: Vallecchi, 1976. – Прим. М. Талалая.

¹⁰ *Пайман Э., Дэвис Р.* Эрик Прен и его круг // Эрик Прен и его круг. 1894–1985. Каталог ... Предисловие.

справедливо, если бы ему нашлось место в истории русской живописи»¹¹.

Ирина Эдуардовна завещала оставшиеся у нее картины мужа и его друзей Белобородова и Чехонина в Пермскую галерею.

В 2004 г. в Пермской Государственной Художественной галерее была устроена выставка «Эрик Прен и его круг», а к ней издан одноименный каталог, составители его – Аврил Пайман, искусствовед из Лондона, хорошо знавшая Пренов, и Ричард Дэвис, директор Русского архива в Лидсе (Великобритания); художники-оформители (авторы макета) – Владимир Юматов и Константин Соколов, супруг Аврил Пайман. Они и открывали выставку в Перми. Тут к месту заметить, что в Пермской Художественной галерее в собрании Э.Д. Прена, кроме его трех псковских сюжетов, хранится и одна недатированная работа Евгения Климова – «Зима» (уголь; 31,5 x 41,5).

Встречи Евгения Климова и Эрика Прена возобновились спустя 25 лет после его отъезда из Риги. Климов уже жил в Канаде, однако не было уже и их «связующего звена» Николая Лохова – в большей степени основной целью этих встреч и были поездки в Италию, посещение семьи Лоховых и последнего приюта Николая Николаевича во Флоренции.

Но всегда об этом лучше слышать из первых уст – *Дневниковые записи*, предоставленные Алексеем Климовым, крестником Эрика Прена, публикуются здесь впервые.

¹¹ Пайман А., Дэвис Р. Указ. соч., предисловие.

Э.Т. Прен. Белая церковь. Погост. 1932.

Холст, масло. 54x43.

Пермская Государственная Художественная галерея.

Публикуется впервые

*Э.Т. Прен. Изборск. 1930-е гг. Холст, темпера. 54x43.
Пермская Государственная Художественная галерея. Публикуется впервые*

*Э.Т. Прен. На Псковском озере. 1938. Картон, масло. 28,5x33.
Пермская Государственная Художественная галерея. Публикуется впервые*

ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

21 октября 1964 г. Рим

Летели 1 ½ часа в Афины, видели Кипр и берега Малой Азии. Через окно пытался делать снимки. <...> Нечто сказочное видишь в окошко. В Афинах не сходили на аэродром, приняли новых пассажиров и полетели в Рим. Ровно в 12:15 по римскому времени опустились на аэродроме Леонардо-да-Винчи. После обычных формальностей в большом автобусе покатали на центральную аэростанцию. Ехали по прекрасной дороге. Сразу же поразила нас окраска домов: благородные коричнево-красно-оранжевые оттенки красок тут доминируют. Много барочной архитектуры. Сравнительно чисто, но длаящаяся уже неделю забастовка уборщиков и чистильщиков улиц дает себя знать.

Уже издали увидели на станции наших милых Прэнов. Не виделись мы 25 лет! Конечно, постарели, но не слишком. Встретились, как будто расстались только вчера. Сразу всего и не перескажешь. Бродили вместе по улицам, закусили и отправились на Via Sistina, к дому Гоголя и Иванова¹². Зашли в одну из церквей и нам сказали, что тут хранится череп Иоанна Крестителя¹³. Что-то странное. Где же подлинный? Условились завтра утром отправиться в Ватиканский музей, собраться к обеду и вечером быть вместе.

22 октября 1964 г. Рим

Чтобы попасть в Ватиканский музей, надо было пересечь площадь собора Св. Петра с знаменитой колоннадой Бернини. Площадь величественна и импозантна, но не столь грандиозна, как я ее себе представлял. Размах и замысел площади с ее архитектурой, скорее, от горделивости человеческой (вот, мол, что мы можем!), чем от религиозной тишины, скромности

¹² Дом № 125 по виа Систина, отмеченный мемориальной табличкой (однако художник А.А. Иванов жил не в нем, а по соседству). – *Прим. М. Талалая.*

¹³ В Риме в церкви св. Сильвестра (San Silvestro in Capite) хранится, по преданию, глава св. Иоанна Предтечи, однако есть и другие города, утверждающие о собственном хранении этой реликвии (Стамбул, Мюнхен, Дамаск, Амьен). – *Прим. М. Талалая.*

и внутреннего предстояния Господу. Колоннады подавляют, но не возвышают к общественной сущности. И когда вспоминаешь Галилейское озеро, пристань ап. Петра и его простое окружение, то предпочтение отдашь тому, что видел там, а не здесь. Там было истинно христианское, здесь – многое от язычества. Там – наше восточное, здесь – западное понимание христианства. Излишнее богатство давит.

В Ватиканском музее впервые увидел фрески Микеланджело и Рафаэля. Фрески в Сикстинской капелле сохранились значительно хуже, чем Станцы. Краски Микеланджело потускнели, выцвели, опали, почернели¹⁴. На них как будто слой копоти и пыли. Видно, что «Страшный Суд» когда-то скребли и чистили больше, чем надо. Коричневые и красные (жженная сиена) краски метущихся тел действуют неприятно. Живопись потолка куда более согласована и значительно светлее, чем «Страшный Суд». Особенно хороши пророк Исайя и Дельфика¹⁵. Но обозреть потолок трудно. Жаль, что не было с собой бинокля. Так вот он какой, этот Титан, бурный, трепещущий, но не смиренный! Он – соперник Богу, в нем нечто от демонической энергии. Он вызывает удивление и трепет.

Фрески Рафаэля – совершенно другой мир. Они недавно очищены (одна сейчас чистится и завешена) и поэтому пленяют чудной согласованностью тонов. Пожалуй, лучшая фреска это «Афинская Школа», где на легком зеленоватом фоне архитектуры выступают фигуры философов и ученых античного мира. Жизнь воспринята Рафаэлем в ее плавности, бесконфликтности, в той гармонии всего со всем, что мы теперь называем классикой. Фрески Рафаэля куда выше, чем его же «Преображение».

Обилие экспонатов в Ватиканском музее утомляет. Экспозиция плохая. Небрежный уход за мировыми памятниками искусства. «Аполлон Бельведерский» и «Лаокоон» грязные и в пыли. Их не мыли, наверно, много месяцев.

В Пинакотеке много чудесных вещей, но нет их репродукций. От всего Ватиканского музея остается впечатление богатейшего хранилища, но 3/4 всего выставленного надо было бы убрать, чтобы 1/4 хорошо видеть. Богатство Ватикана не служит мне никак доказательством его совершенства.

¹⁴ В 1980–1994 гг. фрески Микеланджело в Сикстинской капелле прошли масштабную реставрацию, вернувшую им, в т.ч., первоначальный колорит (что вызвало также и бурную полемику). – *Прим. М. Талалая.*

¹⁵ Имеется в виду Дельфийская сивилла.

После обеда пошли снова к дому, где жили Гоголь, Иванов, Торвальсен, к церкви Trinita del Monte и к фонтану Треви.

23 октября 1964 г. Рим.

Утром отправились на Forum Romanum. Удивились развалинам и сохранившимся частям храмов и зданий античной древности. В церкви St. Maria Antiqua смотрели под руководством Эрика фрески 7-го и 8-го веков. Очень плохо сохранились, но несут в себе отклики поздне-римской живописи, а не византийской. Очень благостны «Благовещение» и «Три Св. Матери» и отдельные головы святых. Вряд ли можно будет сохранить опадающую живопись этого храма¹⁶.

В 11 часов попали в Гос. итал. реставрационные мастерские, где заведующая технической частью, г-жа Мора, показывала нам то, что делается сейчас ими по консервации фресок и станковой живописи. Увидел новые методы накладки паркета на старые доски и выпрямление выгнутых досок; метод снятия фресок со стены, их укрепление и восстановление с сохранением всей неровности поверхности и пр. В работах ранних итальянцев (Дуччио) они применяют метод заполнения недостающих мест нейтральным тоном. Не знали, что такое Plastic Wood; обещал им послать банку. Сам Sr. Mora был в прошлом году на съезде реставраторов в Москве и удивляется тому, как там применяют старые методы работы, 30-летней давности, и уверены в том, что это самое лучшее, что дает реставрация. Сам г. Mora и его жена, милая г-жа Мора, – энтузиасты своего дела, любят свое искусство и скорбят о его состоянии.

После обеда попали в храм Santa Maria Maggiore; было темно, но всё же мозаики абсиды увидели хорошо. Слева в капелле были около знаменитой иконы Римской Богородицы, куда заходят римляне, чтобы поклониться своей Заступнице. Но икона, хотя и древняя (VII или VIII в.), вся переписана¹⁷.

Вечер провели в дружеской беседе с милыми Прэнами.

¹⁶ Фрески церкви Санта Мария Антика на Римском Форуме, пройдя многолетнюю реставрацию, вновь доступны публике с 2016 г. – Прим. М. Талалая.

¹⁷ Главная богородичная икона Рима, называемая «Salus populi romani» [Спасение римского народа], а также «Madonna delle Neve» (Дева Мария «в снегах») – по преданию, была обретена на снегу в жаркий августовский день, в середине IV в. – Прим. М. Талалая.

24 октября 1964 г. Рим.

Ночью была гроза, сейчас льет дождь. Два месяца не видели дождя. В комнате нашего отеля холодно, отопление не действует, остываешь насквозь. Утром закрываешь окно, а приходишь потом – всё открыто, белье становится сырым. Полы мраморные, бр... холодно!

Поехали с Эриком в церковь Св. Климента, Папы Римского (Вспомнил, что в Пскове, на берегу реки Великой, стояла также церковь Климента, Папы Римского). Это одна из древнейших церквей Рима, которая сохранила мозаики XI–XII вв., а в нижней церкви фрески VII–VIII вв. Климент, как говорят, был другом ап. Петра и одним из первых римских епископов, т.е. пап. Он почему-то попал в Крым (Херсонес), где и погиб при кораблекрушении¹⁸. Сцены из его жизни изображены на фресках в нижней церкви. Мозаики верхней церкви дают торжественное и декоративное прославление Спасителя, Апостолов и всего живого: птиц, растений, животных. В мозаиках явно чувствуются влияния Византии, а в нижних фресках еще продолжается традиция поздне-римской живописи, совсем не условной, когда бытовая сторона жизни входила полностью в религиозную живопись. Цвета фресок весьма ограничены: красная охра, светлая желтая охра, голубовато-зеленая и белая. А в целом очень радостная гармония красок. Кое-где видны головы, часть фигуры или часть архитектуры.

Еще ниже, в подземелье, под храмом находится древний языческий храм в честь Митры. Здесь жутко. Вот место, где приносились жертвы. Отсюда хочется скорее выйти, вспоминаются страшные обряды почитателей Митры. В первые века христианства эта секта имела большое распространение во всем Римском государстве, но преследовалась, вот почему эта подземная, скрытая от взоров потайная зала. Тут слышен шум протекающей подземной реки.

Проливной дождь лишил нас возможности видеть что-либо после обеда.

25 октября 1964 г. Рим

Последний день в Риме. Пошли утром в Пантеон. Величие его подавляет. Зашли в подземную капеллу, где есть древний образ Богоматери (конца VI в.). Известно, что этот образ римский папа подарил в 608 г. в

¹⁸ Священномученик Климент, согласно преданию, 4-й римский папа, был сослан в Крым в конце I в. при преследовании христиан императором Траяном и там казнен (утоплен).

Пантеон, преобразованный в христианский храм¹⁹. Это одно из древнейших изображений Богоматери. Обветшалая доска хранит облик восточной женщины; и в облике Младенца тоже есть черты не то сирийские, не то кавказские. Поклонились гробнице Рафаэля.

По пути к собору Св. Петра зашли в один храм и поклонились гробнице Фра Беато Анжелико. Там же стояла фигура Христа, работы Микеланджело²⁰. Фигура выразительная, но совсем не церковная. Прикрыта стыдливо золотым поясом, а на правую ступню одета золотая перчатка. Как-то нелепо.

Попали на службу в собор Св. Петра. Служил сам Папа²¹, но мы его не видели, а только слышали через громкоговоритель. Хорошо пели. Народу много, давка. Всё блестело и переливалось в отсветах ламп и прожекторов. В толпе, пожалуй, было больше любопытных, чем молящихся. Весь этот блеск, позолота, орнаментика, взлет архитектуры совершенно подавляют человека. Никакие собственные мысли не приходят на ум, только поражаешься затеям, выдумкам, эффектам, богатству и грандиозному труду, к которым прибегает католическая церковь. Здесь исполняются зрелища, должны показывать пришедшим величие церкви. А мне от всего этого как-то тяжело. Сопоставляя виденное, мне думается, что подлинно христианского понимания – ясного, простого и чистого – на Востоке всё же куда больше, и там, а не в Риме, сияет Крест Господен.

После обеда пошли к Колизею, ужаснулись размахом постройки и лабиринтом подземелий. Поехали потом в храм Девы Марии за Тибром (Santa Maria in Trastevere). Мозаики, византийские и работы Каваллини²², полны торжественности и величавого спокойствия. Потом поднялись на Капитолий, преклонились единству композиции всего ансамбля (Микеланджело). Центральная статуя Марка Аврелия как бы управляет

¹⁹ Папа Бонифаций IV в 609 г. преобразовал языческий Пантеон в богородичный храм; сведение о том, что именно он подарил в храм богородичную икону – из числа легендарных. В настоящее время в главном алтаре храма установлен список иконы, в то время как оригинал хранится в ризнице. – *Прим. М. Талалая.*

²⁰ Речь идет о базилике Санта Мария sopra Минерва; скульптура Микеланджело, изваянная в 1519–1520 гг., прозвана «Христом Минервы» (имя *Angelico* Е. Климов транслитерирует как Анжелико, соответственно старой традиции, вместо более точного Анджелико). – *Прим. М. Талалая.*

²¹ Павел VI.

²² Пьетро Каваллини (ок. 1240 – ок. 1330) – художник и мозаичист, виднейший представитель римской школы мозаики начала XIV в.

всей площадью. Темнело, начиналась гроза, и мы поспешили в ресторан. Капитолий был нашим последним приветом величавому Риму. Рим провожает нас грозой и ливнем.

Завтра должны к вечеру попасть в Кембридж. Волнует предстоящая встреча с Ник. Ефр.²³. Как хочется до конца исполнить всё намеченное. Господи, помоги!

26 октября 1964 г. Лондон – Кембридж.

Сегодня утром в Риме милые Прэны пришли нас проводить на авиационную станцию и ждали вместе с нами отправки автобуса на аэродром. С их стороны мы видели исключительное внимание, заботу и любовь. 25 лет не заставили забыть друг друга. Без их указаний и помощи мы бы в Риме «утонули» и не видели бы того, что нам удалось посмотреть. Не жалея себя, они, как няньки, ходили с нами кушать, оберегали и направляли. Спасибо им.

На аэродроме беспорядок. Выпустили к аэроплану за 5 минут до назначенного отлета, но потом стояли ровно час и вылетели в 2:10. Летели очень высоко и минут через 40 были уже над Генуей, а затем начался перелет через Альпы. Сквозь сплошные облака торчали острые грани хребта гор, покрытых снегом. Чувствовалось нечто могучее и вместе с тем безлюдно-страшное. Это скалы, взметнувшиеся за тучи. Постепенно хребты гор скрылись под облаками. Ближе к Англии облака прорвались, и снова можно было заметить то очертания берегов Ла-Манша, то поля, фермы и дороги. Наконец, огромный аэродром.

Порядок, чистота, вежливость. В автобусе едем на центральный вокзал. Тепло, легкий туман. Город опрятный, несколько старомодный. На такси ехали около часа на вокзал железной дороги, чтобы оттуда уже на поезде ехать в Кембридж. Обращаю внимание на одежду пассажиров. Много мужчин в котелках. Едут и оборванные студенты-битники. Уже темно, когда мы в восьмом часу вылезли на станции Кембридж. Опять в такси добрались, наконец, и до дома Ник. Ефр. И вот он сам! О нем самом, о его жене, и о разговорах с ним скажу после. Сейчас отмечу только, что внешне он изменился сильно, пополнел невероятно, но по внутренней сути, по своему остроумию, блестящей способности рассказчика он остался тем же, – вернее сказать, что во всем этом вырос. Вот первые впечатления.

²³ Николай Ефремович Андреев (1908–1982) – известный историк, филолог и искусствовед. С 1919 г. жил в Эстонии, затем в Чехословакии; с 1948 г. – преподаватель Кембриджского университета.

27 октября 1964 г. Кембридж

Осматривали с Ник. Ефр. утром Кембридж, отдельные колледжи, дворики, столовые, гостиные и наконец чудесный готический собор. Здесь всё полно традиций, обычаев и древнего распорядка. Нельзя сказать, чтобы все постройки были прекрасны, но есть во всем особая слаженность и время примиряет с устарелыми формами уклада жизни. В столовой готовятся к завтраку; по стенам висят портреты работы Гольбейна; готические своды перекрывают помещение столовой. Как пример того, насколько англичане придерживаются формально разных инструкций, рассказывают такой случай. Байрон учился в Кембридже и хотел жить со своими двумя псами. Сторож его не впустил, указывая на инструкцию, где было сказано: вход собакам воспрещен. Байрон удалился и через некоторое время пришел с медвежонком. Его впустили, ибо в инструкции о медведях ничего сказано не было. Так и прожил Байрон с медведем в здании одного из колледжей Кембриджа два года. Потом в инструкцию было включено дополнение: вход животным воспрещается.

На Славянском отделении познакомился с проф. Елизаветой Феодоровной Хилл²⁴, заведующей Русским Отделом. Интеллигентная любезная дама, племянница ген. Миллера. Была в Палестине, собирается посетить Америку. В 5 часов читал доклад об иконописи. Уложил весь доклад ровно в один час. Репродукции были хорошо видны. Как будто был отклик.

Вечером слушали рассказы Ник. Ефр. о его годах, проведенных в тюрьмах и встречах с самыми различными людьми. Результат его двухлетнего ареста: стал больше любить простого русского человека, стал более религиозен и стал больше ценить Запад. Записать рассказ Ник. Ефр. невозможно. Он красочен, эмоционален, талантлив и непосредствен. Господь Бог отпустил Ник. Ефр. необычайный дар рассказчика. Он и лектор увлекательный.

Отмечу его взгляд на икону Казанской Б[ожией] М[атери]: икона древняя, но не русского письма, а написана кем-либо из приезжих мастеров. Меня такая установка пока мало убеждает.

Любопытен рассказ Ник. Ефр. о его столкновении с Владыкой Иоанном Шаховским. Во время войны Владыка Иоанн хотел бы сделать цвет-

²⁴ Elisabeth Hill (1900-1996) – родилась в Петербурге в семье англичан, бежала после революции 1917 г. с семьей в Англию, где стала пионером обучения русскому языку и видным лингвистом.

ные репродукции. В ответ на это Ник. Ефр. послал Владыке уже имевшиеся цветные репродукции древних икон, изданные Кондаковским институтом в Праге.

Получив репродукции, Владыка написал письмо, где употребил выражение: ... «такие уродливые изображения» ... и просил сделать репродукцию с присланного им образца. Ник. Ефр. подобное отношение к древним святыням одного из наших культурных пастырей возмутило. На замечание Владыки, что Ник. Ефр. обидчив, Ник. Ефр. ответил: ... «не я обиделся, но вы обидели всех наших святых и предков, чтивших и поклонявшихся этим иконам».

28 октября 1964 г. Лондон

Утром Ник. Ефр. продолжал свои рассказы. После обеда поехали в Лондон. По дороге Ник. Ефр. рассказывал о Катеньке, маленькой поэтессе, написавшей много хороших стихов. Блуждали по Лондону, сели не в то метро, попали только без 10 минут 8 в Пушкинский Клуб, где был мой доклад об Ал. Иванове. Слушали хорошо, но задавали потом нелепые вопросы, показывали какие-то ужасные рисунки и картины, просили о них высказаться. Встретил жену худ. Кайгородова²⁵.

Остались ночевать тут же в Пушкинском Клубе.

29 октября 1964 г. Лондон

Осматривали Национальную Галерею. Что за Веласкес! «Венера перед зеркалом» – просто чудо. Это, пожалуй, лучшее, что я видел у Веласкеса. Прекрасно всё развешено, картины в хорошем состоянии, видна опытная рука музейных работников.

Старомодный Лондон (двухэтажные автобусы, такси наподобие карет и пр.) живет своей устоявшейся привычной жизнью.

²⁵ Кайгородов Анатолий Дмитриевич (1878, СПб. – 1945, Австрия, близ Зальцбурга) – русский живописец, пейзажист, график; член Императорского общества русских акварелистов, Общества им. А. Куинджи, Товарищества передвижников. В 1920–1939 гг. жил в Эстонии, в 1939–1944 – в Германии, в конце Второй мировой войны переехал в Австрию. Произведения находятся в Гос. Русском музее, частных собраниях и музеях России и за рубежом (в т.ч. в Институте Карнеги в Питтсбурге). Участвовал в коллективных выставках в Таллине (вместе с Э. Преном и др. художниками), Риге (вместе с Э. Преном и Е. Климовым), Копенгагене (вместе с Э. Преном и др. худ.); в этих же городах, а также в Тарту, проходили его персональные выставки. Излюбленными мотивами картин были пейзажи «русской старины», в том числе Изборска и Печор.

Обедали в студенческом общежитии. От таких обедов поправиться невозможно. Даже как-то неловко, что так можно кормить молодежь.

Вечером зашли к Мар. Мих. Кульман²⁶. Нашли много общих знакомых. Увидели у нее на стене очень хороший этюд Эрика. Вот как свет-то мал!

Лондоном заканчивается наше странствие по Европе. Завтра к вечеру, даст Бог, будем у себя дома²⁷.

Через пять лет Климов вновь встречается с Преном, но уже на территории Италии, перед искусством которой преклоняются оба художника: у них и симпатии здесь общие – эпоха Возрождения. На этот раз их сопровождают жёны, однако Флоренция, уже без Марии Митрофановны и Бориса Николаевича Лоховых²⁸, – конечная цель поездки лишь Евгения и Марии Климовых.

12 сентября 1969 г. Рим.

Утром, еще в Истамбуле, нам сказали в конторе Alitalia, что вещей наших еще не нашли. Заведующий начал что-то писать и выяснилось, что нам хотят заплатить за причиненное беспокойство (а не за пропавшие вещи) около 30 тысяч итал. лир, но в турецкой валюте. Было довольно неожиданно. «Если ваши вещи не найдутся до 20-го сентября, то вы должны будете получить полностью стоимость ваших вещей». Вручив нам сумму, заведующий еще извинялся. До отхода автобуса было еще минут 40 и мы пошли выпить кофе. Когда вернулись, то узнали, что наши вещи нашлись на аэропорте. Остаться дольше в Истамбуле не хотелось. Едем в автобусе через город; жарко, душно.

В 3 часа улетаем. В аэроплане много детей, они нервничают, родители также. Каравелла легко отрывается от земли, планирует между облаками и чудесно спускается на аэродроме Леонардо-да-Винчи в Риме через 2 часа 20 минут. Меняю на городской станции турецкие лиры на итальянские.

²⁶ Мария Михайловна Кульман, урожд. Зернова (1902, Москва – 1965, Лондон) – педагог, религиозный деятель. В своем доме в Лондоне устроила школу для русских детей. Создала (1954 г.) Пушкинский Клуб (Пушкинский Дом).

²⁷ Дневниковые записи Е.Е. Климова предоставлены сыном художника Алексеем Евгеньевичем специально для данной книги – хранятся они в личном архиве А.Е. Климова (США, Покипси).

²⁸ Мария Митрофановна умерла в 1965 г., Борис – в 1967-м.

Меня сильно обжуливают. Едем в намеченный Albergo Campo Marzio, около Via della Torretta. Долго кружим и шофер меня снова обжуливает. Но мы рады, что попали под крышу. Хозяин ждал нас 14-го, как я ему писал, а мы приехали на два дня раньше. Но всё же нас принял временно в одну комнату и обещал завтра перевести в другую. Переоделись, помылись и со страхом идем на Via della Lupa 25, чтобы узнать, здесь ли Прэны. Оказывается, здесь, но пошли ужинать. Мы идем по Via della Lupa и смотрим в наш Albergo и видим, что в углу за столиком сидят наши Прэны. Крики радости, объятия, восторг встречи. Они за минувшие пять лет отяжелели. Оказывается, и Адриолетти здесь, и остановились в нашем же Albergo. Они предлагают нам показать Рим вечером, при огнях. У них есть свой автомобиль.

13 сентября 1969 г. Рим.

Какой красивый Рим, благородный, нарядный, хорошего вкуса. Толпа совсем не та, что в Истамбуле, – дисциплинированная, никуда не спешащая. Рим – подлинная столица. Утром пошли в галерею Дориа, чтобы увидеть портрет папы Иннокентия X работы Веласкеса. Он висит в отдельном маленьком кабинете, но близко подойти к портрету, к сожалению, нельзя. Лицо написано настолько живо, что хочется с этим папой заговорить. Глаза пронизательные, острые; рот злой, с усмешкой; на подбородке жидкая борода. Лицо написано в упор и необычайно пластично. Красивая одежда и белый передник исполнены более поверхностно, как будто Веласкеса эти дополнения и не интересовали. Можно сказать, не заинтересовался деталями и отделался общими местами. Но, м.б., так и надо? Понимаю, почему Суриков не мог оторваться от этого портрета и приходил с ним прощаться.

14 сентября 1969 г. Рим.

Вместе с милыми Прэнами вчера поужинали, а потом с Адриолетти поехали смотреть ночной Рим. Видели силуэт Колизея, Термы Каракаллы, Форум Романум, Капитолий со статуей Марка Аврелия и колоннады Собора Св. Петра. Надо быть осторожным, молодые парни пристают к проезжающим. Ночной феерии всё же нет, экономия электричества дает себя знать.

Сегодня идет дождь, но думали всё же поехать в Ватикан. Оказалось, что в воскресенье ватиканские галереи закрыты. Хотим завтра ехать в Тиволи. Площадь собора Св. Петра и колоннады торжественно-величественны.

15 сентября 1969 г. Рим.

Ночью была сильная гроза, думалось, что вряд ли мы сможем использовать сегодняшний день. Но утром решили всё же ехать в Тиволи и к 9 час. утра были уже там. Тут были загородные дачи римских императоров, а в эпоху барокко здесь был разбит чудесный парк с фонтанами и загородная вилла семейства Д'Эсте.

Сначала мы попали в городок Тиволи, бродили по улочкам и нашли древнюю церковь S. Silvestro (по указанию Эрика Прэна), где в абсиде сохранились фрески XI-XII в. Все они в очень плохой сохранности, да это и понятно, ибо крыша протекает и в церковь капает с потолка. Таких улиц и закоулков, лестниц и колодцев давно не видел; прямо какие-то каменные соты, обветшалые и заплесневелые. Есть всё же в них особая щемящая прелесть ушедшей жизни.

Вилла Д'Эсте и парк с фонтанами превосходит по выдумке и своеобразию Версаль и Петергоф. Каскады воды, площадки, гроты, аллеи, пруды, фонтаны разной высоты, стоящие во многих местах скульптуры – во всем этом много вкуса. Необычайное сплетение природных данных (склон высокого холма), вековые деревья, мраморные лестницы, цветы в вазах, подстриженные кустарники и различные линии падения воды – всё вместе говорит об удачном использовании местных условий и замечательной выдумке архитектора, создавшего этот прекрасный парк. Как хорошо, что нам удалось попасть сюда, когда тут было мало народа.

К часу дня были снова в Риме. Приглашает вечером Ирина Анат. Findlow (урожд. Кайгородова), с которой должны были встретиться в 1964 г. в Афинах.

С ее отцом, художником Кайгородовым, встречался в Праге.

Вечером были у Findlow, живут они на верхнем этаже в Palazzo Doria. Вышли на балкон и крышу и увидели Рим с высокого здания. Импозантно. Вспомнил вид Иерусалима с крыши нашего дома. Сдаёт им весь верхний этаж S-ra Doria, наследница и владелица всего дворца. В комнатах висят старинные темные копии картин. В первой комнате – капелла. Сам Findlow²⁹ – представитель арх. Кентерберийского при папском дворе. Владеет прекрасно русским языком, крестный отец Кати Андреевой³⁰. Принимает

²⁹ Отец Джон Финдлоу – англиканский священник, основатель и первый настоятель общины на виа дель Бабуино, представитель архиепископа Кентерберийского (в период Второго Ватиканского Собора), директор Англиканского центра в Риме. – *Прим. М. Талалая.*

³⁰ Екатерина Андреева – дочь Николая Ефремовича Андреева.

деятельное участие в экуменическом движении. Он более мягкий и сердечный, чем жена, несколько суховатая. По словам отца John'a, положение католической церкви не столь трагическое и все перемены послужат на пользу христианского дела. Молодежь приветствует новые течения. Очень силен авторитет покойного папы Иоанна 23-го, но не слишком любят теперешнего папу Павла VI.

16 сентября 1969 г. Рим.

Записались на поездку во Флоренцию на автобусе 18-го. Поехали затем в Ватиканский музей. Ужаснулись от гула толпы, выкриков разных гидов, потока посетителей. Просто столпотворение. Утомительно и неприятно. Устремился к Станцам Рафаэля и преклонился перед «Афинской Школой». Спокойствие всех движений, благородство заложивших оттенков красок покоряет. Это действительно одно из высших достижений Возрождения.

Картина же Рафаэля «Вознесение Господне» в ужасном состоянии: трещины доски идут вертикально через всю картину и кое-где заклеены прозрачной бумагой! Краски почернели. Много лучше гобелены, тканые по рисункам Рафаэля, они чудесны по сдержанности тонов и ритмичной композиции.

Коридоры, длиною в километры, утомляют глаза, ноги и душу. Нельзя всё это воспринять, всего тут так много. Галдеж и ажиотаж в Сикстинской капелле принижают величие Микеланджело. Вечером были в Пантеоне, поклонились праху Рафаэля.

Ужинали вместе с милыми Прэнами.

17 сентября 1969 г. Рим.

Утром поехал на Виллу Боргезе. Шел через чудный парк – лес. Высокие пинии, по сторонам дороги скульптуры, торжественные арки, памятники. Нечто величественное. В самой галерее собраны больше древние (греческие и римские) скульптуры и скульптуры эпохи барокко, но есть и Канова³¹. А среди живописи есть такие жемчужины, как «Любовь небесная и любовь земная» Тициана, портреты работы Рафаэля и Бернини. Роскошь

³¹ Антонио Канова (1757–1822) – итальянский скульптор, яркий представитель классицизма в европейской скульптуре. Самые крупные собрания его работ находятся в парижском Лувре и петербургском Эрмитаже.

комнатного убранства, расписанные стены и потолки, обилие позолоты – всё это несколько подавляют своей чрезмерностью.

Завтра утром собираемся уже на север.

17 сентября 1969 г. Вечер.

Были в церкви S. Maria Nova около Колизея. Икона Б.М. типа «Одигитрии»³². Сделал снимок. Издалека трудно разобрать само письмо, но показалось мне, что наша «Владимирская Б.М.» куда глубже. Говорят, что эта икона VII в. Она читится, как покровительница Рима, S.ta Maria Rotunda³³. В соседней церкви Космы и Демьяна в абсиде хорошая мозаика XI в.³⁴ Шли домой около Forum'a Romanum и поражались видами остатков и развалин древнего Рима. Сколь величествен был языческий Рим. В церкви св. Сильвестера поклонились могиле Пуссена³⁵. Простились с милыми Прэнами.

Второй этап нашего путешествия благополучно заканчивается.

Дай, Господь, сил на дальнейшее.

В почтовом общении миновало еще пять лет – и новая встреча друзей, единомышленников.

19 сентября 1974 г. Эдинбург, Шотландия.

Привел Господь в этот край, к милым старым друзьям Ирочке и Эрику Прэнам.

Перелет через океан был необычайно быстр и незаметен. Громада – аэроплан со 180-ю пассажирами в 5 ½ часов доставил нас в аэропорт около Глазго, оттуда на автобусе доехали до самого города (25 мин.), потом на такси до станции жел. дороги, потом на поезде в Эдинбург и со станции на такси на Spence Street 6. Поезд шел из Глазго в Эдинбург через зеленые поля, на которых паслись овечки и коровы. Постройки скучного вида, од-

³² В церкви Санта Мария Нова на Римском Форуме (чаще ее называют церковью св. Франциски Римянки, Санта Франческа Романа) хранится богородичный образ «Умиление» (V в.). – Прим. М. Талалая.

³³ Вероятно, тут смешались два названия храма: Санта Мария Нова и Санта Франческа Романа.

³⁴ Мозаика в конхе церкви святых Космы и Дамиана – одна из самых древних в Риме, ок. 530 г. – Прим. М. Талалая.

³⁵ Никола Пуссен погребен в римской церкви св. Лаврентия (San Lorenzo in Lucina). – Прим. М. Талалая.

нообразно окрашенные, черепичные крыши. Чувствуется провинциальная жизнь, условия жизни примитивные, видны в городе грязные, оборванные люди, пьяные.

Дом, в котором живут Прэны, стоит в конце тупичка и спрятан за кустами густой сирени. В доме холодно, обычные окна, отопление не во всех комнатах, закрываются двери в коридор, на лестницу.

Теперь о самих Прэнах. Состарились оба, отяжелели. Эрик с трудом ходит, у него и у Ирочки отдышка, опухают руки и ноги. Столько общего связывает нас с ними, что не замечаешь, что не виделись мы много лет и живем в разных странах.

У нас в отеле комната очень высокая, но постоянного отопления нет, на стене электрическая грелка на высоте 2-х метров зажигается на 1½ часа, если бросишь монету в 5 центов.

20 сентября 1974 г. Эдинбург.

С утра поехали с Ирочкой и Эриком (на его машине) осматривать город. объехали гору, были около дворца, потом замка. Город стильный; выдержанность строгих площадей, по плану эллипсовидных, напоминала несколько Петербург, только без раскраски архитектуры. Всё построено из светло-коричнево-сероватого камня. Даже несколько удручает.

Показывали slides с видами галереи Лохова в Питтсбурге. А к вечеру посетили Грин, не видели их 30 лет. Бедный Юрий Павлович³⁶ почти ослеп, но не жалуется ни на что. В его облике появились какие-то весьма симпатичные черты, чего в Риге мы не замечали. Мил. Эдуардовна³⁷ – профессор русской литературы в Эдинбургском университете, сердечная, милая женщина. Она понимает всю тяжесть и ответственность своего положения из-за болезни мужа.

21 сентября 1974 г. Эдинбург.

Утром, по пути к Мил. Эд., послали по почте книги, подаренные Эриком. Вместе с Мил. Эд. пошли в Университет, поднялись на 13 этаж и посмотрели с высоты на Эдинбург. В коридоре русского факультета удивились

³⁶ Юрий Павлович Гринберг (1906–1976) – ученый юрист, муж Милицы Грин.

³⁷ Милица Эдуардовна Грин(берг), урожд. Гартге (1912–1998) – сестра Ирины Прен; юрист, доктор философии, исследователь и хранитель наследия Ивана Бунина и Леонида Зурова (Русский архив в Лидсе, Великобритания). В 1935 г. окончила Латвийский университет (Рига), в 1936 г. вышла замуж за Юриса Гринберга. В эмиграции с 1944 г.

висящим по стенам портретам Ленина. Записались потом на экскурсию на завтрашний день и на аэроплан в Кэмбридж (Лондон) на 24 сентября. Закусили и пошли в картинную галерею. Музей не очень большой, но есть хорошие полотна известных мастеров. Поехали домой, отдохнули и снова были у Прэнов, в дружеской беседе проведя более 3-х часов.

22 сентября 1974 г. Эдинбург.

Были утром на кладбище, посетили могилу Эд. Эд. Гартье³⁸. Ему было 87 лет, когда он скончался. Что-то благородное вспоминается мне при его имени.

В 2 часа отправились на автобусе по окрестностям Эдинбурга. Первая остановка была у дома Вальтер Скотта. Это нечто вроде замка, но скромнее, окруженного садом. Огромные две залы – библиотека, потом зала, увешанная оружием, столовая с посудой, фаянсом, комната с изданиями В. Скотта, портреты, гравюры и пр. < ... >

Вторая остановка была около аббатства Melrose, где сохранились развалины грандиозного готического собора. В эпоху реформации здесь шли ожесточенные войны кальвинистов с католиками. Разрушенные монастыри стоят, как памятники религиозных войн. Есть какая-то прелесть в руинах, в цвете светло-коричнево-красных камней, из которых всё было построено, и в остатках разрушенных стен и в кое-где сохранившихся стрельчатых арках и в переплетах стрельчатых окон. Никогда не знал этих печальных страниц английской истории.

Следующая остановка – аббатства Dryburgh Abbey. Они обросли парком с могучими деревьями, величественными соснами, чуть не в два обхвата. Местами снесло всё до основания, остались только базы колонн, поддерживавших когда-то главный неф. Торчат части стен трансепта, стены библиотеки, но стрельчатые своды рухнули. Этот монастырь был построен в 1165 году (Вспомнилось, что в том же году был построен храм Покрова на Нерли). Кругом монастыря сохранился ров, сейчас уже без воды, есть сто-

³⁸ Эдуард Эдуардович Гартье (1872–1959) – в 1900 г. доктор медицины при Императорской Военно-медицинской академии в Петербурге; в 1909 г. – приват-доцент Военно-медиц. акад. по детским клиническим болезням. В 1910 г. Указом Императора за усердную и ревностную службу награжден орденом Св. Анны 3-й ст. В 1921 г. перебирается в Эстонию, затем в Латвию (в 1928 г. семья Гартье приняла латвийское гражданство). С 1921 по 1944 г. Э.Э. – профессор медицинского факультета Латвийского университета. Осенью 1944 г. выехал в Германию, позднее – в Эдинбург (данные с сайта «Русские Латвии»).

рожевые башни, охраняющие вход в монастырь. И жалость о погибшем, и красота развалин. Сейчас, конечно, это только место, посещаемое туристами, а было когда-то рассадником христианского учения и очагом культуры.

Вспомнилось, что, живя в Германии в Heidenheim'e, приходилось слышать, что свв. Вунибальд, Винибальд и Вальпурга пришли в Германию для проповеди христианства из Англии (м.б., из Ирландии). Жестокая война снесла до основания много очагов культуры. Говорят, что по сегодняшний день в Шотландии чувствуется дух пуританского кальвинизма. С проповеди Кальвина и его яркого последователя Нокса начались гонения на католиков, и как результат – руины монастырей и храмов, которые мы видели.

Проезжали через деревушки по страшно узким улицам, по извилистым дорогам, где с трудом могут разминуться две машины. Дома все каменные, чистые, часто с соломенными крышами.

С холмов открывались виды на холмы, горы, на поля овса, на зеленые луга пастбищ с овечками и коровами. Словом, чуточку увидели Шотландию.

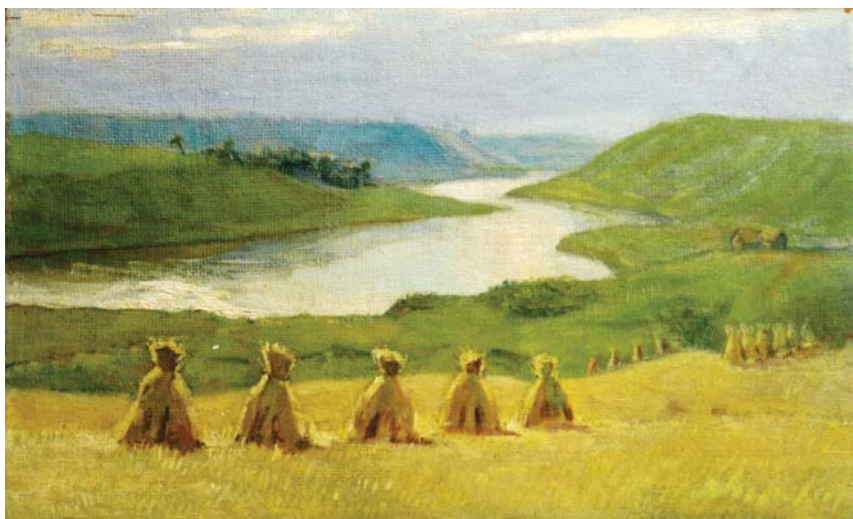
23 сентября 1974 г. Эдинбург.

Еще один день в Эдинбурге провели со своими друзьями. Сначала у Мил. Эд. с Юрий Павловичем (его рассказ о К. Чуковском, о его вспыльчивости по поводу малого числа слушателей, и о биографии Вальтера Скотта), а затем у милых Прэнов. Сделал наброски Юр. Павл. и Эрика себе на память. Завтра летим в Кэмбридж³⁹.

Сентябрьская встреча 1974 г.⁴⁰ оказалась последней, хотя Климовы (отец и сын, крестник Эр. Дм.) собирались навестить Пренов в 1984 г. – Евгений Евгеньевич позвонил в Эдинбург, но Ирина Эдуардовна ответила, что Эрик Дмитриевич очень слаб и немощен, гостей принимать не может. Все десять лет (1974–1984) Климов и Прен переписывались и были в курсе творческих и семейных дел друг друга. После смерти Э.Д. Прена Климовым писала его вдова – до последних дней Евгения Евгеньевича Климова ...

³⁹ Е. Климов. Дневниковые записи. Семейный архив А.Е. Климова (США, Покипси).

⁴⁰ Кроме Пренов, осенью 1974 г. Е. Климов навестил Андреевых в Англии, Серебряковых и Добужинских во Франции.

Е. Климов. Снопы. Из собрания А.Е. Климова

Е. Климов. Часовня в Мёдове. Из собрания А.Е. Климова

Е. Климов.
Этюды
1930-х гг.
Рига,
частное
собрание.
Публикуются
впервые

II. ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ – НИКОЛАЙ ЛОХОВ

Для современного читателя Николая Лохова открыл Евгений Климов, рассказав о своей запланированной поездке во Флоренцию (из Риги)¹ летом 1934 г. Ехал подготовленным: с рекомендательным письмом – и художник ждал своего русского собрата, поскольку был предупрежден о его приезде. Чтобы застать Николая Николаевича дома и договориться о посещении его в Уффици, Евгений Евгеньевич в дом Лоховых на via Robbia, 98 отправился пораньше. Однако его встретила Мария Митрофановна, супруга художника, и посоветовала пойти в Уффици.

В музее Уффици на вопрос, где работает художник Лохов, мне ответили:

– Профессор Руссо? Во втором зале.

Иду туда и вижу: стоит за мольбертом пожилой человек с окладистой седой бородой и сосредоточенно работает над копией портрета Федерико да Монтефелтро, написанного художником Пьеро делла Франческа.

Я извинился, что отрываю его от работы, и спросил, когда можно было бы посмотреть его мастерскую. Он обрадовался моей русской речи и в свою очередь задал вопрос:

– А что вы видели здесь, в галерее Уффици?

– Ничего еще не видел. Я только что приехал...

Он оставил свою работу и повел меня по залам Уффици. Это было изумительное утро. Мы останавливались перед некоторыми картинами, и Н.Н. разъяснял их внутренний смысл и идею, объяснял технику исполнения. Всех его замечаний я, конечно, не помню, но

¹ Климов Е.Е. В Италии с Лоховым / Встречи в Петербурге, Риге, Русском зарубежье (Из воспоминаний художника) // Улей, Рига. 1994. С. 62–66.

многое запечатлелось в памяти. Так, о картине Леонардо да Винчи «Поклонение волхвов» Лохов говорил:

– Явление в мир Богоматери с Младенцем – это явление совершенства в наш грешный мир и отношение к нему всего человечества. Леонардо показал недоумение, восторг, изумление и преклонение окружающих пастухов, большая часть которых не понимает всей значительности этого события, как не понимают этого многие и теперь. Леонардо любит говорящие жесты и показывает вопрошающие, указующие движения рук и пальцев. А сама Богоматерь полна удивительного ясного спокойствия, вся Ее фигура светится. Картина только подмалевана темно-коричневой краской; Леонардо стремился задать всю композицию в виде пирамидального построения и, наметив главную свою идею, дальше уже не писал разными красками, как ни просили его заказчики. Ему было достаточно найденного.

Картину Боттичелли «Рождение Венеры» Лохов объяснял так:

– Знаете, почему выражение лица Венеры грустное? Это оттого, что она увидела в мире много горя².

Евгений Климов вел дневник своих путешествий – его дневниковые записи о посещении Николая Лохова в июне 1934 г. предоставил нам Алексей Евгеньевич Климов.

Алексей Евгеньевич Климов
Фото Т. Вересовой,
декабрь 2011 г.

² Там же. С. 62–63.

ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА

(Публикуется с новыми дополнениями³)

15 июня 1934 г. Флоренция.

Сижу на площади Синиории, в Лоджии. Окружают меня скульптуры «Персей» Челлини, Давид, Нептун и др. Как-то необычно, странно. Идет дождь, народ толпится в крытой галерее. Слышны гудки автомобилей, звонки трамваев. Тут же «Давид» Микеланджело и башня Синиории. Чувствуется большой город. О Сиене и Сан Джиминиано складываются воспоминания, как о тихих провинциальных городках.

16 июня 1934 г. Флоренция.

Первые встречи с городами у меня мало приятны, но потом осваиваешься. То же самое и с Флоренцией. Тут изобилие искусства. На нашу северную бедность и печаль тут наваливается такой поток искусства, что вначале не можешь опомниться.

Встретился в Уффицих с Ник. Ник. Лоховым. Он был так добр и повел меня по музею. Его объяснения по поводу картин замечательны, видно живяние в суть образов, понимание и углубленное вчувствование (Запомнил особенно Леонардовское «Поклонение волхвов»). Впервые увидел «Венеру» и «Весну» Боттичелли. Прошел по галерее, чтобы ориентироваться и знать, где что смотреть.

Глаза Ник. Ник. загорелись, когда я начал рассказывать о России, об Изборске и старушке нянюшке Макаровских⁴.

³ Впервые опубликовано в альманахе «Псковский летописец» № 1(9) / 2014. С. 117–119.

⁴ В свои поездки в Изборск Е. Климов останавливался в семье Макаровских. Александр Иванович М. (1888, Псков – 1958, Ленинград) закончил в Пскове Духовное училище и Духовную семинарию, в 1913 г. – Духовную академию Петербурга кандидатом богословия. Преподавал в учебных заведениях Пскова. В 1919 переезжает к родителям в Изборск. Преподавал Закон Божий в 1-й Изборской шестиклассной русской школе и был ее заведующим до 1940 г. В 1924 г. построил новую 2-этажную школу, оснастил ее кабинетами, каких не было в других сельских эстонских школах. В 1934 г. издал учебник истории для 4 кл., в 1936 г. – для 5 кл. Рисунки к этим учебникам выполнил Николай Иванович Макаровский, брат А.И. После выхода на пенсию приглашен в Ленинградскую Духовную академию на должность

На Monte Miniato⁵ встретил закат солнца. Простор и величие далей, стремительные облака и быстро наступивший вечер.

Есть во Флоренции черты сходства с Парижем. Торжественность, столичность, величавость, сознание своего могущества и силы. Тут мозг и разум Возрождения. Тут центр идеи Человека. Может от этого и вся флорентийская живопись, собственно, группируется вокруг человека?

17 июня 1934 г. Флоренция.

Сегодня день, посвященный Микеланджело. Pietà в Duomo⁶, Гробницы Медичей в San Lorenzo и Академия, где Давид (оригинал) и Рабы. Вот что вызывает трепет и слезы, что волнует как грандиозное и неповторимое событие. Вот он, великий, грохочущий! Камни оживают, забываешь о глыбах, а видишь скованных гигантов. Так вот они, великие! Вот те, кто внесли в мир свои образы и кто зашатал все устои. Не утерпел, погладил фигуры в San Lorenzo и в Академии. «Соприкоснулся» в буквальном смысле.

А Леонардо? Разве замысел «Поклонения волхвов» не гениален? Явление в наш грешный мир Мадонны с Младенцем и отношение к ней всего человечества – ведь вот основная мысль. Это глубина таких же масштабов, как Достоевский. Тут-то и переступил о Возрождение свой гребень; заглянули в такие глубины и высоты, что стало страшно и ... перестали радоваться.

18 июня 1934 г. Флоренция.

Встреча с Н. Н. Лоховым. Редко встречал таких людей. Он в Италии с 1913 г. Писал копии с итальянцев для Музея Изыщных искусств в Москве. Сам по образованию химик, он еще будучи студентом, делал копии в Эрмитаже. Затем ездил в Италию, работал там и привозил в Москву сде-

доцента кафедры истории Русской Церкви, с 1951 г. – профессор, магистр богословия, член Учебного Комитета при Св. Синоде. Во время работы в Академии составил «Курс истории Русской Церкви» (домонгольский период). Среди учеников А.И. – Патриарх Московский и всея Руси Алексей II и митрополит Петербургский Владимир (Котляров). 5 марта 1953 г. арестован – в тюрьме провел несколько месяцев, до 26.11.53 г. Кроме Е. Климова, в доме А.И. Макаровского в Изборске бывали Н.Е. Андреев, Э.Д. Прен, Л.Ф. Зуров. У потомков А.И. до сих пор хранятся рисунки, подаренные Е. Климовым и Э. Преном, и раритет – альбом литографий Е. Климова «По Печерскому краю», с дарственной Е. Климова.

⁵ Monte Miniato (гора Миниато) – произвольное название Е.Е. Климова, в действительности это – городской холм, где стоит базилика Сан Миниато аль Монте, «Святой Миниат-на-горе». – *Прим. М. Талалая.*

⁶ Duomo – кафедральный собор. В настоящее время статуя Микеланджело находится в Музее кафедрального собора. – *Прим. М. Талалая.*

ланное. Война 1914 г. застала его за работой в Италии. У него сложилась идея создать галерею живописи, около 150 номеров. Для этого он решил скопировать лучшие произведения итальянского искусства – как монументального характера, так и станковые картины. И всё это собрание перевезти в Москву, чтобы там была бы возможность видеть и изучать великие произведения.

Сам Ник. Ник. в разговоре не говорит, а прямо трепещет. Начался спор на тему «искусство для искусства». Н.Н. восстал против этого тезиса во имя общей человечности, идеи целого. По его представлению, есть целый мир и в нем человек, со всеми своими страстями и качествами; художник, сохраняя свою человечность, должен идти и брать большие задачи, не суживая свой мир до пределов профессиональных. Художник должен идти *largo*⁷, жить со временем, с эпохой, но брать ее возвышенно, идейно. Моральная ответственность лежит на художнике – это теперь не создается.

20 июня 1934 г. Флоренция.

Галерея Питти. Здесь открылись мне портреты Тициана и Тинторетто. Глубина тона, тонкость психологической нюансировки и чарующие сочетания красок. «Мужской портрет» (в сером) Тициана это жемчужина. В Тициане необыкновенный дар ощущения человека, выделение главной сущности, а язык живописи до того сочный и полный, что ровень с ним никого по живописи поставить нельзя.

Портреты Рафаэля тонки и проникновенны. Но они более декоративны, резки, репрезентативны, в некоторых деталях мелочны. У Тициана же всё сплошной поток света; золотая атмосфера окутывает человека и съедает все границы. Это чудеса живописи, благородные, гениальные и простые!

23 июня 1934 г. Флоренция.

Фра Беато открылся в монастыре San Marco поэтом и мечтателем, нежным лириком. Только здесь можно понять его душу, всё очарование певучести его золотистой гаммы. Это песнь о грезе, о невозможном, о такой чистоте образов, что малейшие помыслы о земном кажутся здесь непристойными, тяжелыми и невозможными. Беато Анжелико можно любить, им можно мечтать.

Этого сказать о Гирландайо («Тайная вечеря») нельзя. Тут только уважение и сознание произведенной им грандиозной работы.

⁷ Широко, обильно (*итал.*).

Парк Boboli – прототип Версаля – всё от человека. Здесь вообще всё так пропитано человеком, что нет простого пейзажа, родного нам, необработанного, говорящего только языком природы. Буквально каждый кусок «очеловечен». Фиезоле – гора под Флоренцией; с нее открывается божественный вид на всю Флоренцию; легко дышать, воздух чистый и мысли ширятся, но писать не могу.

25 июня 1934 г.

Еще один период кончается. Завтра утром покидаю Флоренцию и через Падую и Равенну направляюсь в Венецию.

Первая встреча художников подтвердила не только единомыслие в профессиональных вопросах, но и родство душ во всех остальных – так началась дружба русских людей на чужбине и, несмотря на расстояния, еще больше сплотившая их семьи. Меж тем международная обстановка осложнялась и к 1939 г. она обострилась настолько, что вызвала Вторую мировую войну – встречи и переписка стали невозможны. Семья Климовых оказалась сначала в Чехословакии, а затем в Германии, однако и после войны писем из Италии в Германию долгое время почта не принимала, и друзьям приходилось изощряться, чтобы передать их хотя бы «с оказией». Активная переписка возобновилась лишь с переездом Климовых в 1949 г. в Канаду.

В 2006 г. Алексей Евгеньевич Климов, живущий в Америке, передал эпистолярное наследие отца в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва) – среди многочисленных, известных в стране и мире, корреспондентов Е.Е. Климова была и Мария Митрофановна Лохова, в письмах которой – вся жизнь семьи: и последние годы Николая Николаевича, и ее многолетние и многотрудные заботы о сохранении его наследия. Сорок семь писем (1946–1959 гг.), написанных старой орфографией, порой неразборчивы, но именно они в большей степени помогли восстановить творческую биографию художника. Кроме того, читая их, невольно проводишь аналогию с современным состоянием общества, его отношением к культуре, искусству – и кажется всё таким похожим, словно и нет разницы ни географической, ни временной.

Мария Лохова.
Архив Н. Кручани (Милан).
Публикуется впервые

Супруги Лоховы.
Форте-дей-Марми,
август 1926 г.
Архив Н. Кручани
(Милан).
Публикуется впервые

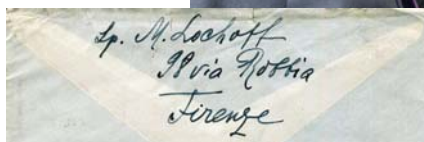

Семья Климовых. Германия, 1949. Публикуется впервые

Е. Климов на уроке рисования в католическом женском монастыре, Квебек, 1953. Публикуется впервые

Директор
ДРЗ им. А. Солженицина
В.А. Москвин
и А.Е. Климов.
Фото Т. Вересовой.
Декабрь 2011 г.

Если вы в Париже, сделайте все возможное для получения Паспорта, чтобы вы могли вернуться в Россию. Зас не знаю, сколько вы можете сделать, но вы можете попробовать. Если вы не можете сделать этого, то вы можете попробовать сделать это в Париже.

Если вы в Париже, сделайте все возможное для получения Паспорта, чтобы вы могли вернуться в Россию. Зас не знаю, сколько вы можете сделать, но вы можете попробовать. Если вы не можете сделать этого, то вы можете попробовать сделать это в Париже.

Если вы в Париже, сделайте все возможное для получения Паспорта, чтобы вы могли вернуться в Россию. Зас не знаю, сколько вы можете сделать, но вы можете попробовать. Если вы не можете сделать этого, то вы можете попробовать сделать это в Париже.

Этот мой друг, вы знаете, что я пишу вам письмо по поводу моего пребывания в Париже. Я не знаю, сколько вы можете сделать, но вы можете попробовать. Если вы не можете сделать этого, то вы можете попробовать сделать это в Париже.

Моя жена очень важна, если вы можете сделать это, то вы можете сделать это в Париже. Если вы не можете сделать этого, то вы можете попробовать сделать это в Париже.

Моя жена очень важна, если вы можете сделать это, то вы можете сделать это в Париже. Если вы не можете сделать этого, то вы можете попробовать сделать это в Париже.

Моя жена очень важна, если вы можете сделать это, то вы можете сделать это в Париже. Если вы не можете сделать этого, то вы можете попробовать сделать это в Париже.

Письма М. Лоховой
Е. Климову.
ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15

ПИСЬМА МАРИИ ЛОХОВОЙ ЕВГЕНИЮ КЛИМОВУ⁸

Первые восемь писем адресованы в Германию,
остальные – в Канаду.

Л. 1

21/IV – 46 Via Robbia № 98 Lochoff

Христос Воскресе! Дорогие Мария Клементьевна и Евгений Евгеньевич, поздравляю вас и всех ваших и Надежду Николаевну⁹ с Великим и Светлым праздником и шлем с НН. самые сердечные пожелания всего-всего лучшего. Сейчас это «лучшее» еще далеко, но, несомненно, оно впереди и должно прийти в жизнь и изменить ее, дать, вернее, приблизить идеалы – такие старые, и всегда такие новые и дать больше возможности к их осуществлению. Мы с НН., старики глубокие, уже этого не увидим, но надеемся и верим, что так будет. Много писем от Вас, Евгений Евгеньевич, получили, я всегда немедленно писала Вам и с оказией послала 4–5, но, видимо, ни одно до Вас не дошло. К счастью, удалось списаться с Прен, и через них я просила написать Вам, так как из Италии в Германию еще писать нельзя. Мы живы все. Кругом нас в каких-нибудь 30-50 метрах рушились дома, вся улица, где студия НН., очень пострадала, много убитых и раненых, в самой студии не осталось ни одного стекла, крыша во многих местах продырявлена, но больше никаких разрушений у нас не было. Картины хранились в Palazzo Pitti, оставались только огромные фрески, но они остались невредимы. И сами мы почти месяц жили в погребе и спали там, но всё обошлось благополучно. Теперь жизнь берет свое, входит в колею, только развалины целых кварталов и остовы разрушенных мостов (цел один Ponte Vecchio) свидетельствуют о недавних ужасах. Последствия войны еще далеко не изжиты, наоборот, разруха страшная, дороговизна жизни баснословная, безработица, полуголодное существование всего народа, за исключением новоришей, упадок культурный и моральный и т.д. < ... >

⁸ ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15.

⁹ Н.Н. Рыковская, урожд. Антонова, вдова художника Юрия Григорьевича Рыковского, рижского друга Е.Е. Климova. О ней Е.Е. Климов упоминает в очерке «Семья Антоновых» в сб. «Встречи» (С. 33–34). Рыковская какое-то время жила в том же доме, где поселили семью Е.Е. Климova в послевоенной Германии, затем переселилась в США.

Жизнь сейчас здесь очень трудна. Нет квартир совершенно, и нет надежды на возможность начать строить новые дома или поправлять разрушенные. Цены возросли втрое и больше благодаря декрету правительства до февр. 47 года, а потом если по закону не будет ограничений, то цены возрастут в десятки раз. Уже теперь квартирка из 3-4 ком. с ванной и кухней отдается в 20-30 т. в год на периферии, а в центре 50-60 т. Наш маленький домишко (Вы его помните?) продавался 4 раза за 6 месяцев, последний заплатил 1 ½ миллиона и намеревается выгнать нас и нижних жильцов, но по закону до февр. 47 г. мы имеем право оставаться, а потом, где найдем жилье и найдем ли – неизвестно.

Сейчас до заключения мира и стабилизации лиры жизнь не может быть налажена, нет никакой уверенности в завтрашнем дне, никто не хочет рисковать – начинать какое-нибудь предприятие. Поэтому всё замерло, никто ничего не производит, ничего не покупает. В магазинах как будто есть товар, но он лежит, потому что цены невероятные, недоступные, а богачи боятся тратить свои миллионы. Ни книг, ни картин, ни статуй – никто ничего не покупает. Выставок масса, ничего особенно значительного или талантливого, но всё же художники с огромным трудом добывают краски, лаки, кисти за неслыханные деньги, выставляют, публика приходит, но ничего не продается, и несчастный художник тащит обратно свои работы. И портреты тоже не идут совсем, скорее миниатюры заказывались и шли довольно хорошо и давали заработок, но сейчас с концом войны и это замерло. Не знаю, конечно, надолго ли такая мертвая полоса. Может быть, к осени или к будущей весне много выяснится и наладится в международных отношениях и внутри страны, и начнется подъем, инициатива, спрос. Но сейчас, повторяю, жизнь замерла. У НН. работа его прекратилась 6 лет назад, все заказы были, конечно, аннулированы. За все 6 л. он зарабатывал совершенно случайными реставрациями, был один портрет и только. Сейчас он работает в S. Marco, реставрируя фрески Анджелико, но работа очень не верная в смысле платежа. Моя дочь замужем за художеств[енным] критиком в Милане; они пишут, что там полный кризис на худож[ественном] рынке, а ведь это огромный центр всех выставок и новинок.

Грустно мне всё это Вам писать, но страшно ввести в заблуждение, страшно за вас всех, если бы решили сейчас ехать сюда. По-моему, надо переждать, если есть хоть какая-нибудь возможность это сделать, а двинуться сюда, как только явятся симптомы новой жизни, нового строительства, творчества. Слава Богу, что вы все живы, здоровы и все вместе. А бедные

Прен так хлопотали и надеялись получить разрешение на переезд отца Ирочки в Эдинбург – и отказали. Мать ее скончалась, сестра с мужем, кажется, в Германии. Но им лично, слава Богу, неплохо; Эр. Дм. читает лекции по искусству в худож[ественной] школе, у Ирочки кой-какие уроки и духом оба бодры, а это главное.

Всего-всего еще раз самого лучшего. Спасибо за Ваши письма, так трогательно добрые, ласковые, незаслуженно добрые. Авось с этим письмом начнем более правильную переписку.

М.А.

Л. 2

Четверг 19/XII – 46 Mitt.¹⁰ Maria Lochoff
98 via Robbia
Firenze

Дорогой Евгений Евгеньевич, получили Ваше дружеское письмо, приветы и пожелания. Спасибо сердечное. В свою очередь шлем Вам и всему семейству самые искренние пожелания для 47 года всего самого лучшего: сил, бодрости духовной, работу интересную, дающую удовлетворение, и всего светлого кругом. У нас нового ничего нет, жизнь свелась на трудный заработок, который дает много денежных бумажек, но на них трудно свести концы с концами, лишая себя самого существенного. Работаем все. НН. в 74 г. бежит в Pitti, где холод ледника – там у него небольшая и не очень интересная работа. Невестка встает в 4 ч. утра, в холод и темень бежит на станцию к 5 часам. поезду, чтобы попасть в школу в деревне. Сын на заводе, я по дому кручусь. Связей с миром все меньше, кто погиб, кто куда-то уехал, трудно разыскать даже.

Неожиданно получила открытку из Полтавы: родные почти все умерли, правда, в преклонном возрасте, молодых я не знаю, даже не видела, все учатся по разным городам и школам: одна в Петерб. в театральной, другая в Харькове в консерватории, 3-я в Полтаве на архитектурных курсах, и все с жаром зовут к себе.

Ваше письмо читали с интересом – много у Вас энергии, инициативы, любви к искусству, даже завидно стало, у нас, стариков, крылья отяжелели, устали, хочется уйти на покой. И грустно в то же время Ваше письмо. Ка-

¹⁰ *Mittente* (итал.) – отправитель.

кая гармония может быть, если весь мир разбился на две части? Где в мире осталось самобытное натуральное хозяйство? В самых далеких странах царит капитал, машины, заводы, техника; везде борьба за работу и труд, везде борьба капитала и труда. Одна часть мирового хозяйства хочет status quo, другая – выхода из него, новых условий жизни. В итоге борьба неизбежная, неотвратимая, жестокая. А мы в этой борьбе наиболее страдаем, т.к. занимаем промежуточное место, – ни с теми, ни с другими в этой борьбе. В этом наша трагедия, мы им чужды, а иногда враждебны той или иной стороне. Искусство, казалось бы, чуждое этой борьбе, тоже страдает, его духовная ценность одной стороной разменивается на деньги – на товар, а другая часть еще чужда ему, еще непонятно, только литература начинает прокладывать свои пути, да и то не современная.

Я часто с огромной грустью вхожу в студию, где все окна без стекол, дикий холод, и думаю: НН. всю жизнь отдал на это свое собрание, все его мечты были связаны с мыслью, что это собрание сыграет свою роль на родине, внесет красоту и радость, а кому сейчас нужны золотые фоны с тончайшими орнаментами, чудная Венера, interieure'ы Гирландайо, – новая техника и достижения Masaccio или Piero della Francesca? Одним это либо надоело, приелось, либо не в моде, а значит – невыгодный товар, а другим это еще непонятно, чуждо, неинтересно. Вот только что закрылась выставка 60 молодых франц. художников: ни рисунка, ни сюжета, ни настроения, ни света, ни воздуха – только ярко красочные пятна вне композиции, или грязно-черное, безобразное нарочито тело или nature morte. Не знаю, но современное искусство, новшества его в литературе, живописи, скульптуре, музыке, театре мне абсолютно чужды, неприемлемы, ненавистны. Где тут место гармонии, дорогой Евг. Евг.? Нет, и быть не может.

От Прен очень давно нет писем. На днях написала им длинное, спрашиваю причину молчания; надеюсь, что у них всё благополучно.

Еще раз желаем счастливого Нового Года!

Ваши М.М. и НН. Лоховы

У нас 6го дек. родился внук Николай, к сожалению, итальянец, Лида наша замужем за итал-цем.

Л. 3

30/III – 47 (без конверта)

Христос Воскресе! <...>

Спасибо за Ваше интересное письмо. Возможно, что через месяц и во Флоренцию приедут из Мюнхена фламандцы и доставят нам столько же радости, как Вам. Сейчас здесь открылось несколько выставок: в Palazzo Strozzi – итальянские мастера 400, 500, 600 и даже 800¹¹. Новых, еще не виданных полотен мало, а то, что есть из частных коллекций, далеко не первой степени, но всё же любопытно и это посмотреть. А частные выставки совсем не так интересны, посещаются сравнительно мало и ничего не продается. Кризис в художественных кругах ужасный, особенно тяжело скульпторам; студии, материал стоят очень дорого, жилищный кризис всё острее, продовольственный тоже, а с другой стороны – роскошь, изобилие нарядов, материй, деликатесов всякого рода, но всё это стоит сумасшедших денег, какие в изобилии зарабатываются всякого рода спекулянтами на черной бирже.

Невольно, читая Ваши письма, дорогой Евгений Евгеньевич, становится почти завидно: столько у Вас интереса, инициативы, энергии, любви к искусству и своему делу! От всей души радуемся за Вас, как бы трудно ни приходилось Вам в житейском отношении, и от души желаем, чтобы этот чудесный дар (от Бога) сохранился у Вас до конца и передался Вашим мальчуганам.

Здесь я такого настроения не встречаю, наоборот, всё самое интересное и даровитое опускает руки; инертное, безразличное ко всему, бездействует, и это не только отдельные личности, но я сказала бы вся наука за редкими исключениями. Дай Бог, чтобы как-нибудь встряхнулась она! Я очень верю и жду эту встряску большого духовного подъема. Вот и за Пренов радостно. Несмотря на столько пережитого, они оба тоже полны бодрости, инициативы, интересов. Письма Ирочки доставляют мне много радости и утешения, только, к сожалению, Бог забыл дать мне хоть какой-нибудь, хоть самый крошечный талант, так что вся моя бодрость впустую, – ни себе, ни другим. Погода у нас убийственная, то с ноября 4 месяца были сильные холода, а теперь льет и льет. Только два дня как-то всё расцвело –

¹¹ Т.е. XV, XVI, XVII и XIX вв., согласно принятому в Италии обозначению по столетиям, принятому также в искусствоведении: Кватроченто, Чинквеченто, Сейченто и т.д. – Прим. М. Талалая.

вишни, сливы, персики, миндали, а на полях анемоны, фиалки, и пр. пр., но ливни мигом сорвали эту красоту – и весны как не бывало.

А как ее ждали все, тепла и света, цветов, красок.

В студиях НН. не вставлено ни одно стекло, всю зиму нельзя было работать, а теперь и пейзажей из-за дождей нельзя писать. От этого бездействия НН. совсем приуныл, сидит целыми днями один в комнате, всегда молчит и только воскресные концерты доставляют ему огромное наслаждение. Будем надеяться, что худшее всё же позади в прошлом, настоящее, очень тяжелое и трудное, мало-помалу изживается, авось, не за горами, когда что-то прояснится, встряхнется, жизнь возьмет свое и потребует много работников в самых разнообразных областях. Устали мы, старики, а все-таки хотелось бы дожить и самим увидеть, почувствовать этот сдвиг. Обнимаем от всего сердца Вас и Ваших всех.

М.А.

Л. 85

Без конверта и без года, только дата 20/VII (при этом упоминается 7-месячный внук – следовательно, письмо 1947 г.)

Дорогой Евгений Евгеньевич, простите за долгое молчание, поверьте, что буквально не имею ½ часа свободного, чтобы сесть, взять бумагу и перо и собраться с мыслями. Эта повседневная толчея берет не только всё время, все силы физические, но даже духовные приходится отдавать ей и к 11 ч. вечера только думаешь – скорее бы лечь, вытянуться, забыть все, не думать, главное ни о чем не думать и заснуть. Ваши письма я читаю с большим интересом и с завистью. Уверяю Вас – с завистью, тоже и письма Ирочки Прен. Столько у вас жизни, интересов, инициативы, ни минуты, кажется, не теряете зря, всё идет на духовную работу, на новые мысли, новые планы, на желание выявить все, что накоплено опытом, впечатлениями и т.д.

У нас ничего нет. Отчасти сама жизнь здесь страшно изменилась после войны; конечно, предшествующие годы тоже сказываются; самостоятельность, инициатива, личное свое проявление во всех областях не только не поощрялось, а наоборот встречало часто непреодолимые препятствия и сейчас всё это сказывается на всей жизни страны. Отчасти наша старость, наша полная необеспеченность при невероятной дороговизне; две студии НН-ча сейчас стоят в десять раз дороже, чем до войны, стекла так и не вставлены после бомбардировки, материал для живописи просто недоступен. Какая же может быть инициатива, планы, работа для себя? И это

вынужденное бездействие подрывает всю психику, всё настроение, меняет характер, меняет всего человека. Теперь Вы поймете, что нелегко писать письма при таких условиях, а после каждого Вашего письма так хочется поговорить и о выставках, и о современном искусстве, о его путях и об отношении к нему, и о Блоке, и вообще о книгах и о настроениях современных, и столько вещей в голове для беседы. А на деле мы здесь перестаем между собою беседовать. Все стали молчаливы, сходимся вечером за столом – и только обмен газетными новостями. Сейчас у нас Лида с ребенком, она болела два месяца, теперь поправляется, а 7-месячный Николай – пресимпатичный крепыш, вот он только вносит жизнь и вызывает улыбку на наших угрюмых лицах.

Сейчас во Флор[енции] мертвый сезон, жара убийственная, кто мог уехать, уехали, несмотря на чудовищные цены, вроде того, что комната в скромном отеле 1000 лир в день без еды, которая minimum тоже 1000 л. в день, и всё остальное. Словом, всё это недоступно и даже иностранцев с их валютой почти нет. Открыта еще выставка фламандских мастеров из собрания частных лиц или коллекционеров в Италии и еще более интересная выставка картин из церквей или маленьких музеев, реставрированных после войны. И вещи попадают очаровательные, почти невидимые в темных церквях, и удивительные находки при реставрациях, когда снимали лаки, грязь, копоть свечей и открывали яркие краски, светом залитые сцены – всё то, что указывал НН. и, кажется, первый выявил в своих копиях, но не все ему верили, а упорно защищали черные искаженные оригиналы.

Зовут купить Николая. Прощайте, пока. Приветы самые сердечные от всех нас и пожелания всего наилучшего.

М.А.

Л. 4

1/I – 48 (без конверта, дата – в конце письма)

Дорогой Евгений Евгеньевич и Мария Клементьевна, поздравляем с Нов. годом и шлем самые сердечные пожелания всего светлого и доброго. Пусть с 47-м годом уходит много разочарований, многое множество всяких забот своих насущных, хоть начало какого-то покоя и передышки. <... >

Ради Бога, не сердитесь, что пишу редко. Но уверяю Вас – после каждого Вашего письма, от которых мы получаем огромное удовольствие и на которые хотелось бы многое сказать, мысленно я Вам пишу длинные письма и много о них говорим с НН. <... >

... жизнь так сложилась, что все силы уходят на повседневную скучную и противную работу с раннего утра до ночи. Эту зиму у нас Лида с ребенком, в Милане невозможно найти квартиру, у них одна комната и много послевоенных неудобств, как нет достатка электричества, отсутствие топлива и газа.

Искусством сейчас занимаются мало, зато все поглощены целиком добыванием легальным, но гораздо больше нелегальным денег, припасов, поисками комнаты, о квартирах и мечтать нельзя и т.д. На всё это нужны сотни тысяч, и честнейшие люди, достойнейшие втягиваются в сделки, кто богатеет, кто попадает в тюрьму, кто разоряется – на этом зиждется здесь жизнь и со стороны видеть всю страну в этой заразе очень огорчительно.

От Прен долго не было вестей, и я почему-то ужасно волновалась, предполагая всё худшее. Слава Богу, на днях получила как всегда такое ласковое, такое родное письмо, что на душе становится радостнее, и так хотелось бы всех вас повидать перед окончательной разлукой. Очень мы рады за Вашу выставку; конечно, отношение публики дает большое удовлетворение и хочется еще и еще работать и воплощать свои впечатления, настроения, достижения в конкретные образы.

Я вижу, как тягостно отражается на НН. отсутствие работы. Больших вещей он уже не может делать и потому его коллекция не пополняется, а своих у него немного и выставить их, да еще без рам, он так и не решается... Простите, должна кончать, зовут к внуку. Еще и еще вам всем самого лучшего и спасибо за сердечное ваше внимание.

1ое/I 48 М.Л.

Л. 81 (открытое письмо)

Herr Klimoff

Kr. Gunzenhausen 13 a

Heidenheim

Bayern

12/VII

Дорогой Евгений Евгеньевич, сообщаю Вам о нашем великом горе – скончался Ник. Ник. 7го июля. Давно уже начались признаки, что здоровье его очень пошатнулось, но он ни на что не жаловался и упорно не хотел пойти к врачу. И только месяц назад, очевидно, сам понял и почувствовал какое-то ухудшение, пошел к врачу. Но ничего нельзя было сделать: наши рак печени в очень сильной форме, пробовали все средства – рак захватил

81 ^{12/11}

Дорогой Евгений Евгеньевич,

События Ваши о нашей великой горь
 — скончался Мек. Ким. 7го июля. Давно уже
 боялся, чтоб притяка, то здоровье его очень
 пошатнулось, но он ни на что не обращал,
 и упорно не хотел идти к врачу. И так же
 случилось, когда очевидно все кончилось и погубило
 вас какое то изречение, пошел к врачу. Но
 курсо неслось далеко отходить. Намини же пере
 же в огнев сивной жарить, проввали вст
 средства — раи безвальных другие органы и посто
 ние дни очевидно прошея вислое и два дня
 М. быт уже по тому без сознания

REPUBBLICA ITALI
 CARTOLINA PC
 35
 RIRE
 POLIZZA-VITA
 TITULO NAZIONALE
 SICURAZION
 ITALIA ITALIANA
 POSTE ITALIANE

Невыносимо
 учительских страданиях
 и него не было слава бы
 а смерть наступила —
 вы стали ртутью вшаде,
 и тифо отомшел. Смерть в
 спад, настала на переде
 то, явесь великого покоя,
 утраца вам сивды страда
 ний, точно вы спад передеи
 в той мир, и даже итм не
 водвхарит ни переим, но
 олице безконечна.

И в торо, что сему характер
 но помер, зиб навды самого
 оеилка до того, а камордеи
 прошеи и, пои в тке, это
 такое горе, то же итм.

Внимательно Вас дорожию Еб. Зб.

Herr Klimow
 Kr. Gutzgenhausen
 Heidenbeim
 13a
 Bayern

G. Luchoff 98 via Robbia Firenze

другие органы и последние дни, очевидно, проник в мозг и два дня НН. был уже почти без сознания. Невыносимо мучительных страданий у него не было, слава Богу, а смерть наступила – он стал реже дышать и тихо отошел. Смерть сразу наложила печать торжественного покоя, убрала все следы страданий, точно он сразу перешел в тот мир, «идеже нет ни въздыхания, ни печали, но жизнь бесконечная»¹². Я верю, что ему хорошо, но потерять навеки самого близкого дорогого, с которым прожили полвека, – это такое горе, Боже мой!

Обнимаю Вас, дорогой Ев. Ев. Приду в себя – напишу подробно.

Приветы всем.

М.Л.

Л. 87

Без конверта и даты, карандаш
(скорее всего, декабрь 1948 г.)

Дорогой Евгений Евгеньевич, спешу послать Вам список вещей и размеры в метрах. Лежу – здесь эпидемия энфлюэнца, схватило и меня. Пошлю одно из писем НН. в Итаку, где хотели купить всю коллекцию перед войной, но НН. не хотел, а предлагал сделать им по заказу.

13го/XII я послала письмо Вам и, насколько помнится, писала о перипетиях с картинами. Согласно воле НН. я послала подробное письмо Грабарю¹³, список и размеры с просьбой ответить, интересуются ли теперешние худож[ественные] круги всей идеей НН. и его коллекцией. Пока ответа нет. Ровно год назад, тоже под Рождество, в студии был директор Metropolitan Museum из Нью-Йорка и сразу предложил купить для музея все фрески и все большие вещи, кроме портретов, т.к. у них столько оригиналов Ремб[рандта], Тиц[иана], (неразб.). НН. опять и ему сказал, что сначала он чувствует свой долг запросить Москву и в зависимости от их ответа распорядится картинами. Затем был директор, англ[ичанин], устраивающий музей в Австралии, тоже хотел сразу всё перевезти бы туда, предлагал какую угодно сумму. Пока приходится терпеть, т.к. кроме чудо-

¹² Из поминального тропаря; полная цитата: «Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни въздыхание, но жизнь бесконечная!»

¹³ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – живописец, реставратор, искусствовед, музейный деятель, академик АН и АХ СССР, директор Института им. В.И. Сурикова (1937–1943), Всероссийской Академии художеств (1943–1946), Института истории искусств АН СССР (с 1944 г.) – ныне Институт искусствознания.

вищих долгов у меня ничего нет, и счастье еще, что с уплатой пока ждут. Я решаю еще месяц подождать ответа от Грабаря, м.б., решу еще раз написать ему поторопиться и затем решать. Не знаю, конечно, что теперь скажут в Metrop. Museum, но первенство за ним, и я должна буду запросить там. Австралию я отстраняю, Бог с нею и ее миллионами, и значит, второе место было бы Канада. Повторяю, надо еще выждать. НН. как-то оценивал с америк[анским] директ[ором] Итаки и Fogg Museum эти вещи, выходило приблизительно ок. 45-50 тысяч долларов¹⁴ (17 лет работы с утра до ночи, а технику он ночами готовил).

Спешу пока послать эти сведения, чтобы не задерживать письмо. Вы, наверное, мое получили. Кроме повальной энфлюэнцы, всё по-старому, только всё тоскливее и всё более одиноко и пусто. Дай Бог, чтобы в Нов. Году у вас сложилась бы жизнь легче, но полнее, значительнее, с бóльшим удовлетворением, уютом, теплом, взаимной любовью и лаской. Обнимаю всех вас, начиная от мамы до детишек, ясно воображаю ваши «семейные вечера» с чтением Гоголя и до слез завидую.

Ваша М.Л.

Л. 82

(без конверта и без даты – скорее всего, начало 1949 г.)

Дорогие друзья, давно хотела написать вам большое письмо, но абсолютно не имею возможности. Не умею ли я, стара ли, устала ли – не знаю, только вижу, что НН. оставил на мою ответственность большое дело, и я хочу исполнить всё по его воле и желанию, но ничего не выходит. 5 месяцев прошло со дня кончины его, и ничего не сделано. Жизнь сама по себе очень тяжка и сложна, с нами почти 2 года живет Лида с ребенком, т.к. в Милане невозможно найти квартиру, а в одной комнате тоже жить нельзя; без профессии большинство интел., художников, журналистов и пр. голодают, квартиры, студии обложены непомерными налогами и цены на них невероятные. Понимаете, как трудна материальная сторона жизни. Духовная, пожалуй, еще труднее, – здесь, по крайней мере, жизнь ни на йоту не двинулась вперед – наоборот, люди точно забыли или утратили всякие духовные ценности.

¹⁴ М.М. оговорила в сумме оценки: Метрополитен-музей оценивал коллекцию в 180 тыс. долл., потом, без некоторых полотен, сошлись на 120 тыс.

Согласно воле НН. я написала подробное письмо Грабарю, теперешнему президенту Академии искусств и лично знакомому НН., послала через советского консула вместе с фотографиями, дала размеры и жду ответа: интересуются ли художественные круги коллекцией воспроизведений 13-го и 14 вв. итал. живописи. До сих пор никакого ответа нет. Я понимаю, что Граб[арь] не может лично решать, что надо дать ему время столкнуться и обсудить, тем более что я пишу о приобретении коллекции. Мы не имеем возможности подарить ее, в жертву ей принесена вся жизнь НН., все силы, все интересы, все средства ушли на нее. Если ответа долго не будет, или будет отрицательный, то я сообщу в Америку, оттуда были предложения приобрести всю коллекцию. Вот как обстоят дела. Вы спрашиваете о статье дурака какого-то Оболенского? Я ее тоже прочла случайно и написала резкую отповедь в редакцию, получила извинительные объяснения (и в сущности ред. не ответственная), но, к сожалению, статья была напечатана¹⁵ и читалась. Об[оленский] лично знал очень мало НН., встречались в Пскове 50 л. назад на собраниях и диспутах с Лениным. Потом они встретились в Париже через 30 л. и виделись 2 раза опять-таки в собраниях – и в результате он пишет на основании случайных встреч «бессмысленную» фантазию, которая нас всех поразила своею бесцеремонностью.

Переписываюсь с Пренами и с каждым днем всё более убеждаюсь, что будь Эрик Дм. здесь, он много бы помог в деле НН. Он так много был с НН., беседовал, слышал все объяснения, все замечания и доводы НН., они вместе были во всех музеях и церквях Флор[енции], Венец[ии], Assisi, Сиены, была большая взаимная солидарность, интерес и любовь к искусству, наконец, огромная личная привязанность, – такого другого нет здесь; я, по крайней мере, не знаю и не вижу. Даже посоветоваться не с кем, а я никогда делами не занималась, не умею, не знаю, как и приступить к ним. Вот так обстоят дела. Поэтому Вы, дорогой Евгений Евгеньевич, поймете и простите, что я так редко пишу. Трудно мне вообще после 50 лет совместной жизни тянуть стариковскую одинокую жизнь. У детей своя жизнь не-

¹⁵ Речь идет о статье В. Оболенского «Памяти Н.Н. Лохова» в парижской газете «Русская Мысль» за 20 авг. 1948 г. (№ 71. С. 5) – отклик на некролог С. Щербатова «Редкий дар» («Русская Мысль». 1948. 23 июля. № 67. С. 5). В этой статье содержится некоторая недостоверная информация, возмущившая и Е.Климова, и М. Лохову. В Приложениях мы всё же публикуем статью В.А. Оболенского.

В. Оболенский жил в Париже (эмигрировал в 1920 г.), служил в Российском Земско-Городском комитете помощи русским гражданам за рубежом, сотрудничал с газетами «Последние Новости» и «Русская Мысль».

легкая, свои заботы, они заняты тоже всё время, да и разные мы. Мы или я – старое уходящее, даже ушедшее поколение, они – других настроений, тоже уже уходящих, уже 3^е поколение идет на смену им, молодое, еще не осознающее жизни, но входящее в нее и опять-таки очень и очень отличное и от них, и от нас, стариков. Трудно столкнуться, еще труднее предвидеть, во что и как сложатся их стремления и идеалы. Конечно, без них жизнь не бывает, но я как-то не вижу их пути. И знаете, я хотела бы своими глазами увидеть Россию, как и чем живет там народ, люди, но и это недостижимо, а пропаганда справа и слева мне претит, и я ненавижу ее. Кончаю. Пожелаю всем вам, дорогие, близкие и, к сожалению, далекие по расстоянию друзья, всего-всего лучшего. Всех вас горячо обнимаю, всех бесконечно благодарю за любовь, ласку, память. Дай вам всем, Господь, всего-всего доброго.

М.А.

Л. 83, 84

Письмо без конверта,

не датировано, но, скорее всего, – май 1949 г.

Дорогой Евгений Евгеньевич и Мария Клементьевна, только что получила письмо и известие о кончине вашей мамы¹⁶. Боже мой, как понимаю и чувствую ваше горе, эту ужасную пустоту после ее ухода, эти ужасные состояния, всё ли было сделано, чтобы спасти и продлить жизнь, не виноваты ли вольно или невольно в чем-ниб., что обижало или огорчало и т.д. Вот уже 10 мес., как ушел НН., а я всё не верю, что навсегда ушел и в памяти так ярко и так жестоко встают всякие мелкие огорчения, что-ниб. невольно сорвавшееся с языка, какой-ниб. упрек и так винишь себя за все-все. Я не пишу отчасти потому, что ушла, можно сказать, от жизни, ничего не знаю, что делается в свете, да и близких всё меньше, память ослабела, голова не работает, ко всему безразличие, пот. что все, что кругом делается, настолько чуждо, непонятно, неприемлемо, что поневоле отходишь в сторону. И не удивительно, мне уже 73 с хвостиком, много видела и многих знала, были большие надежды, большая вера в осуществление наших идеалов, а в результате остались у разбитого корыта. Последние годы даже у НН., такого идеалиста, начались сомнения, из-за них он не мог писать свой доклад в Москву, просил меня непременно спросить Грабаря о настроениях нынеш-

¹⁶ Мария Александровна Климова скончалась в баварской деревне Хайденхайм (Heidenheim) 21 апреля 1949 г., где в то время жила семья Климовых.

них худож. кругов, их отношении к его плану, его задачам и цели (коллекция копий репродукций Раннего Возрождения). Конечно, было бы почти невероятно, что насилуя всякую мысль, всякое творчество, правительство приобрело бы коллекцию исключительно религиозных сюжетов, которая могла бы, по их мнению, тем вреднее быть, чем выше ее художественная ценность. НН. об этом много думал, но всё же надеялся, что пришлют оттуда компетентных лиц. Он им сам покажет, расскажет, убедит, как когда-то убедил Остроухова, Кондакова, Васнецова и других. После смерти НН. я уже не сомневалась, что в Москве отнесутся отрицательно, но при всем этом я и мои вполне согласны, что только там ее назначение. Я писала Прен, что если бы была возможность ждать, т.е. содержать картины в студиях, никуда их не отдавая, я ждала бы и дети ждали бы, но кто знает, может быть, и внук не дождался бы, м.б. много и много лет уйдет, пока там понадобилась бы работа НН. Это одно, а другое, что одухотворяющее слово НН. уже никогда никто не услышит, и его беспредельную любовь к искусству и его почти религиозную веру в значение красоты вообще теперь бы и не поняли. Делать теперь нечего, надо так или иначе ликвидировать всё это. Прав Эрик Дмитр., когда он пишет о полном изменении вкусов во всем мире, погоне за новыми впечатлениями, исканиями, ничего общего не имеющими с нашими, уже отжившими и уходящими, и даже ушедшими. Новая литература так далека, напр., мне, что я ее не понимаю; то же и музыка, и живопись, – либо остаешься безразличным, либо уходишь с огромным душевным огорчением. Вот, дорогие друзья, все, что могу сказать.

< ... > Ответ Грабаря сам по себе ничего не говорит; надо бы знать мое письмо, т.е. письмо НН., мною написанное, но я не могу послать Вам его, т.к. нет дубликата. Гр[абарь] ни словом не отвечает на самое существенное в письме, на 3 поставленные прямо вопроса, и впечатление таково, что он, м.б., только подписался под чьим-то. Ну да всё это уже неважно, так суждено. М.б., это так и нужно.

(Ниже М.М. цитирует письмо Грабаря – Т.В.)

Глубокоуважаемая Мария Митрофановна, Ваше письмо и фотографии с копий Николая Николаевича я получил и приношу Вам большую признательность за них. Вы спрашиваете, сохранился ли у Московского Музея Изобразительных Искусств тот интерес к изумительным по совершенству копиям Николая Николаевича, который имел место в 1914 г. Он, конечно, сохранился, но самый профиль музея коренным образом изменился: до ре-

волюции это был музей слепков и копий, а с 1918 он стал только музеем первоклассных оригиналов, соперником Эрмитажа по своим художественным сокровищам, посему в его экспозицию не входят копии даже при всем их художественном совершенстве.

Конечно, если бы такая замечательная коллекция была уже ранее в Москве, она явилась бы ценным дополнением к коллекциям московских музеев.

С приветом
Директор Института Истории Искусств
Академик Грабарь

Обнимаю горячо со всею любовью Вас и Марию Клементьевну и жалею, что мы не близко, чтобы вместе изживать наше горе. Гляжу на фотографию Вашей мамы с малюткой Ильюшей¹⁷ осенью 1936 года, я ее случайно вчера нашла среди других и, не зная еще об ее уходе, думала, какое прекрасное доброе лицо, сколько любви и ласки давала она и дает своим и чужим. Как сохраняют внуки воспоминания о бабушке, ее песенки, ее сказочки, ее рассказы, ее ласки. Мой внучек меня не будет помнить, слишком мал, а Ваши мальчики будут полны воспоминаний, и ее влияние уже никогда не изгладится совсем, как бы ни сложилась их жизнь. Я рада, что фотография сохранилась у меня, и я в какой-то мере чувствую себя ближе к Вам и Вашему горю. Не знаю, далеко ли Вы живете от Мюнхена и бываете ли там? В Мюнхене проживает чудесный человек и художник душой Юрий Георгиевич Габричевский, брат жены Кочубея¹⁸, их Вы у нас видали. Я его адреса не знаю, но спрошу сестру и напишу ему о Вас, у него большие знакомства в культурных кругах Мюнхена; конечно, многих теперь нет вовсе, другие, м.б., далеко где-ниб., но возможно, что он живет искусством и в кругу художников. А как человек, он прямо удивительно хороший.

О Канаде много думаю, далеко она. И кто знает, как Вы там себя почувствуете. Конечно, очень хорошо, что там близкий, родной Вам человек, брат¹⁹, а вся семья ваша такая сплоченная и дружная. Жизнь там, конеч-

¹⁷ Старший сын Евгения Климова.

¹⁸ Сергей Михайлович Кочубей (1896–1960), участник Гражданской войны, в эмиграции получил образование оперного певца, с конца 1920-х гг. жил во Флоренции, в 1953 г. эмигрировал в США. Жена – Ирина Георгиевна Габричевская (1900–1996). – *Прим. М. Талалая.*

¹⁹ Константин Евгеньевич Климов (1896–1974) – преподаватель музыки. В 1927 г. закончил Латвийскую консерваторию, работал в 1-й Рижской музыкальной школе; с августа 1936 г. –

но, материально была бы легче и друзей вы нашли бы сколько угодно. Возможно, что и для живописи материала, новых сюжетов, новых впечатлений было бы много. Я знаю людей, долго живущих в Toronto; Trois-Rivières²⁰ никто не знает из них. Конечно, в Trois-Rivières будут и минусы, вероятно, жизнь очень провинциальна в культурном отношении, но сейчас пока так хочется отдыха и покоя, что ни о чем другом уже и не думаешь. Дай Бог вам устроиться, и возможно лучше именно в смысле отдыха и покоя, а там и другое приложится. Еще обнимаю вас всех, горячо и Надежду Николаевну.

М.А.

Л. 5

17/IV

1950 Prof. E. Klimoff
849 Avenue Laviolette
Trois-Rivières
Canada

Дорогой Евгений Евгеньевич, получила Ваше письмо, всегда такое дружеское, ласковое, читаю его и как будто сама становлюсь добрее. Не пишу же Вам только потому, что самой надоело до противности уныние и тоска; хочется чем-нибудь порадовать близких моих друзей, сказать что-нибудь доброе, бодрое, утешительное. <... >

Как в новых условиях чувствует себя Мария Клементьевна? Спрашиваю это, потому что я сама очень трудно привыкаю к новой обстановке; жили мы с НН. в Германии, Швейцарии, Париже, Италии – всюду мне было чуждо все, всюду тосковала по России, всюду жила одной мечтой вернуться «домой», хотя лично у меня не было дома, отца я лишилась 10 месяцев, а мать умерла, когда мне было 10 лет. И все-таки какая-то неразрывная связь была и есть и останется до последнего вздоха. И детей стараюсь воспитать для России по-русски, а на деле вышло, что они ни то, ни се: и Италия не их родина, и Россию не знают и, вероятно, никогда не увидят. Всё выхо-

в Рижской правительственной русской гимназии. В 1944 г. К.Е. Климов переехал в Австрию, затем в Германию, а в 1948 эмигрировал в Канаду, где преподавал музыку сначала в Труа-Ривьер, пров. Квебек, а в 1950 г. был приглашен на должность профессора в консерваторию при университете Лаваль (г. Квебек) и работал там до выхода на пенсию (1965 г.). После смерти жены переселился в Монреаль к брату Евгению.

²⁰ Труа-Ривьер (фр.: Три реки) – пятый по величине город в канадской провинции Квебек. В Квебек из Труа-Ривьер Климовы переехали летом 1950 г.

дит нелепо в конце концов. Вот и «дело» НН. Всю жизнь человек отдал делу для России и только о ней думал. Каждая вынужденная продажа картины была трагедией, страданием. Умер. Прошли два года и уже он забыт. Коллекция заперта, никто почти или очень редко посещает мастерскую, Америка не дает окончательного ответа, т.к. по уставу музей приобрести может только оригиналы (хотя бы фальшивые) и надо время убедить администр[ативный] Совет, что фресок оригиналов нельзя приобрести, – а репродукции НН. были бы культурным вкладом, – для изучения фресок. Ну вот и сидим, и ждем, а другого не ищем, потому что НН. только и просил не разбазаривать отдельными продажами, а устроить всю коллекцию целиком, как он ее подбирал и создавал. Пока я живу, храню это его завещание, но мне 75 почти лет и что случится, когда меня не будет, не знаю. На днях пришел к нам Альфред Альфр. Сван²¹, друг Эрика Дм. и, вероятно, Ваш. Он здесь месяца на 1 ½ с молодой женой и 10-месячным Алешей. Очень приятное впечатление, хотя был он всего ½ часа, но собираются в Студию и просто познакомиться ближе. А вчера вечером пришли муж и жена Сусанины из Америки, артисты Cabaret «Летучая мышь». Я их видела один момент, было поздно, они торопились в Студию с Лидой, т.к. сегодня (воскресенье 16ое) должны уехать. Это приятные посещения.

Из Рима на днях приедут на несколько дней старые знакомые, одного устроим спать в Студии – всё равно сейчас в Италии всё переполнено до отказа: в Милане – *fiera*²² – съезжаются отовсюду индустриалы²³, полные денег, и цены вздуты тоже до отказа. В Риме – паломники, жаждущие папской индульгенции от всех грехов – тоже всё переполнено, во Флор[енции] – *Maggio musicale*²⁴ всякие новинки последних музыкальных новшеств (на мой взгляд, мне абсолютно непонятное и неприятное) и ряд выставок по-

²¹ Альфред Сван (Alfred Swan, 1890–1970) – англо-русский композитор и музыковед. Родился в Петербурге в семье английских коммерсантов. Воспитывался в Петербурге и Оксфорде. Бежал из Петрограда в 1918 г. через Сибирь и Японию. Обосновался в США, преподавал теорию и историю музыки в ряде университетов. Изучал средневековую русскую литургическую музыкальную традицию, публиковал научные работы на эту тему; перешел в православие. Перевел на англ. яз. книгу Н.К. Метнера «Муза и мода» (Париж, 1935).

²² (Ежегодная) ярмарка (*umal.*).

²³ Итальянизм: *industriali* – промышленники.

²⁴ «Музыкальный май» – ежегодный фестиваль классической музыки, проводимый во флорентийском Городском театре оперы и балета. Именно для этого фестиваля дочь Николая Николаевича Лидия переводила на итальянский язык либретто русских опер. – Прим. М. Талалая.

следних крайних modernist'ов, опять, по-моему, антихудож[ественное], антикультурное, прямо épater les bourgeois²⁵.

Еще раз сердечно обнимаю вас обоих и желаю всего светлого всем вам и брату привет и Христос Воскресе. Спасибо за снимок, но даже с сильной лупой нельзя видеть живопись лица.

Л. 7

28-IV

1950 (Открытое письмо) Mr E. Klimoff

849 Av. Laviolette

Trois-Rivières

P.Q.²⁶

Canada

Дорогой Евгений Евгеньевич, только что из Рима получили Ваше письмо, Псковский Собор и на фотографии извещение священника, что из-за плохой погоды он не попадет во Флор[енцию]. Очень жаль, так я и не узнаю ничего подробнее о вашем житье-бытье и вообще жизни в Канаде, о которой я столько же знаю, как о Китае. На днях были у нас все Swan, но, видимо, он близко знал и помнит Эр. Дм. и Ирочку²⁷. Он музыкант (не знаю, на каком инструменте) и композитор. Первое впечатление очень приятное, особенно мне понравилась его молоденькая жена-американка, но, конечно, только внешне, т.к. я не говорю по-английски и не понимаю в разговоре, только читаю. У нас ничего нового и будет ли оно? Я начинаю терять надежду, хотя мне все говорят, что с американцами чрезвычайно сложно и трудно устраивать дела, особенно без связей, личных рекомендаций, т.е. старая сказка и даже на старый лад.

Приятно было прочесть в Вашем письме, что мальчики легко усваивают новую обстановку, новый язык и навыки и хорошо учатся. Молодцы вы с Марией Клементьевной, успели воспитать в чужих условиях своих мальчиков – русских мальчиков. А это не легко, по себе знаю и по Флор[ентийской] Колонии, несмотря на все старания родителей. Дай Бог всем вам всего лучшего и утешительного. Сегодня пишу и Пренам.

Ваша М. А.

²⁵ Шокировать мещански мыслящих людей (*франц.*).

²⁶ Почтовое обозначение Провинции Квебек.

²⁷ Ирина Эдуардовна Прен, урожд. Гартье, жена Эрика Дмитриевича Прена.

Константин Евгеньевич Климов

В заботе об устройстве коллекции мужа Мария Митрофановна, можно сказать, осталась наедине с собой: у дочери и сына было достаточно своих житейских проблем – вот почему она и обращалась за помощью к «дорогим друзьям», семье Климовых. Е.Е. Климов подключил к этому своего брата Константина и старался всех своих коллег познакомить с наследием Лохова – так, в мастерских на виа Артисти побывали семьи Константина и Павла²⁸ Климовых, почти все старые друзья Евге-

ния Евгеньевича из Латвии, Германии, США, Великобритании, Франции. Не оставались в стороне и галереи: в 1949 г. запрос о коллекции делал Художественный музей Мельбурна – Мария Митрофановна дала уклончивый ответ, т.к. с нею возобновил переговоры нью-йоркский Метрополитен-музей. В 1950 г. работами Лохова заинтересовался аббат Тюркотт (Turcotte), знакомый Е. Климова по Труа-Ривьеру, и Лохова, не дождавшись решения административной комиссии Метрополитен-музея, стала вести переговоры с ним. Однако вновь дает о себе знать Нью-Йорк – Мария Митрофановна вновь надеется, т.к. только Метрополитен-музей имеет прекрасную базу для достойного содержания коллекции, но Метрополитен вдруг запросил отзывов о коллекции каких-либо авторитетов, называя при

²⁸ Павел Евгеньевич Климов (1899–1970) – инженер (специалист по мостам и туннелям), жил во Франкфурте (Германия), преподавал в техническом институте. Георгий Евгеньевич Климов (1895–1967) – морской офицер (окончил Морской кадетский корпус в СПб. в 1916 г.). С 1944 г. жил в Германии, в 1951 переселился в Канаду, открыл в Квебеке антикварный магазин, помогал вдовам русских морских офицеров. В 1959 г., выйдя на пенсию, уехал в Оттаву. Похоронен, как и братья Евгений и Константин с женами, и его жена София Терентьевна, уржд. Теодорович, в православной части Оттавского кладбища.

этом Беренсона, который еще при жизни Николая Николаевича направлял директоров Метрополитен-музея посмотреть его работы. Это оскорбило вдову:

Я им послала большую статью о НН., написанную совместно Бер[енсоном] и его женой²⁹, наконец 21 вещь находится в музеях и церквях Америки, могут поехать посмотреть, ведь всё это указано и написано. Вы не можете себе представить, как издергала всех нас эта американская канитель и связала нам руки³⁰.

Затянувшееся молчание Метрополитен-музея вынуждает Марию Митрофановну отдать предпочтение Канаде: она готовит для аббата Тюркотт, по его просьбе, фотоальбом копий Лохова, пересылает его Е. Климову, как человеку более надежному. Аббат заверяет, что за его желанием приобрести всю коллекцию и устроить ее в музее при самом большом католическом храме стоят «высокие персоны», однако ни сам аббат, ни его представители так и не побывали во Флоренции и не видели работ Лохова. Переговоры с аббатом Тюркотт, которого устраивали финансовые условия (цена за коллекцию была снижена на 30% от стоимости, определенной Метрополитен-музеем, и предполагалась посрочной, т.е. в несколько сроков), длились до 1954 г., но в результате ни к чему не привели – терпению Марии Митрофановны приходит конец. Понимает и Климов, что хлопоты аббата не имели под собою никаких оснований, а больше походили на авантюру. Евгений Евгеньевич забирает, не без труда, у аббата альбом и высылает его Марии Митрофановне. Помогает сам материально и организует сбор средств среди своих друзей на содержание двух студий Лохова. Готовит статьи в русские газеты, уточняя у вдовы факты творческого начала ее мужа, и она вспоминает:

Вы спрашиваете, как он пришел к искусству и копированию? Трудно сказать вкратце, надо повторить «Это был дар Божий», это

²⁹ Logan Berenson M. A Reconstructor of Old Masterpieces // The American Magazine of Art. Vol. 21. № 11 (November. 1930). P. 628–638. Published by: The Frick Collection. Полностью статья М. Беренсон в переводе М.Е. Самуйловой публикуется ниже в Приложениях.

³⁰ ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

была его Вера, его религия. Он, как великие музыканты, перевоплощался в самого творца той или другой вещи, он как бы отходил от мирной своей жизни и весь был в исканиях, замыслах, видениях Sim. Martini, или Fra Angelico и т.д. Он и музыку так чувствовал, на концертах он забирался один в уголки. И я сама видела его с закрытыми глазами и лицом, мокрым от слез (а он далеко не был слезлив). Рисовать он начал и любил еще ребенком, студентом он зарабатывал, помещая рисунки и наброски в иллюстр[ированные] журналы, но тщательно от всех скрывая это. Студентом он знал во всех подробностях все музеи Петербурга и посещал все выставки. Когда мы попали за границу, он целые дни проводил в музеях Берлина, Мюнхена, Дрездена, Вены и других, потом Франции, Бельгии... Сам он работал в Парижской мастерской. Но впервые он был один в Брюсселе и сделал копию какого-то, кажется, Карла. Он заметил, что какой-то господин часто торчит за его спиной, следя за процессом работы. И когда вещь была окончена, он представился – самый крупный антиквар Брюсселя – и купил эту вещь и заказал другую. Это было начало. Когда НН. вернулся в Париж, он сразу продал несколько копий фламандцев и получил заказы в Лувре и тогда начал он «изучать» технику, всякие пробы «своей» темпер ы, «своих» холстов, грунтов и т.д.

В Москву он привез копии из Люксембурга современных новаторов (тогдашних) и из Лувра, читал доклады о репродукциях и способах их создания. В Петербурге Рерих выставил его вещь в Поощрении искусств³¹ и купил для музея П. Ис., в Москве Васнецов заказал Mad. Conettabile из Эрмитажа, Остроухов хотел приобрести Pietà Bellini из Врега Миланск., Щербатов купил Рембр[андта] из Эрмитажа, в Киевское собрание Рембр[андта] из Лувра, и другие вещи, я уже не помню. И тогда же явилась мысль устроить в Москве при Музее Изыщ. Иск. самостоятельное отделение копий Лохова, приняв его проект «Нового музея». «А Ваши вещи?» «Мои? Разве я могу создать что-либо равное таким гениям? А воспроизвести и перенести эту красоту в мою страну, показать ее в Москве, Киеве, Харькове – разве этого мало?» Так отвечал он. А в одиночестве в Assisi, в Siena, San Sepolsgo он отдыхал, делая наброски пейзажей, но не любил их показывать. Почему? «То мне кажется, что удачно, то дрянь, что же их показывать, если я сам не удовлетворен». Я мечтаю, если при моей жизни удастся

³¹ Императорское Общество поощрения художеств.

устроить коллекцию и иметь деньги, то издать (написать) монографию о НН. и его исканиях и достижениях и издать альбом всех его репродукций, это обошлось бы в 10–15 миллионов теперешних лир. Но боюсь, что мечтой и кончатся эти мечтания. А я старею всё быстрее, плохо хожу, плохо вижу и плохо соображаю и помню очень очень мало. Ну, кончаю. Прочтите это письмо и поделитесь, если придут и мысли, и планы, и «мечтания». Вас и жену обнимаю дружески и сердечно благодарю за все.

Ваша М. Лохова³²

Положение семьи Лоховых изо дня в день становилось всё горше: неустроенность семьи Лидии в Милане, во Флоренции – серьезная болезнь Бориса, постоянное удорожание аренды студий³³, слабость и немощь Марии Митрофановны, всё же продолжавшей надеяться, что и этот период «авось изживется». Однако

жизнь сумасшедше дорожает, усложняется, газеты переполнены хроникой преступлений самых диких и жестоких. Озверели даже здесь, все хотят денег и денег и не останавливаются ни перед чем. А что делается в культурных сферах? Искусство, книги, radio – всё изменилось и пошло по ложной дороге...³⁴.

Но и среди этой «дикой тоски» порой появлялся слабый лучик надежды, вызывавший в памяти незабываемые впечатления от посещений студий Лохова профессионалами (директорами и профессорами многих американских галерей, голландских и английских музеев) и истинными почитателями живописи: «Одно спасение – воспоминания, ими только, ими родными, дорогими, такими близкими полна моя духовная жизнь»³⁵.

Память – единственное, что питало в эти сложные годы существование Марии Митрофановны:

³² ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.

³³ За 1953 г. содержание коллекции (студии и налог) обошлось в 200 тысяч лир (т.е. около 300 долларов), а за «5 лет со смерти Н.Н. стоило 1 миллион лир».

³⁴ ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 86.

³⁵ Там же. Л. 36.

Я помню посещение директ[ора] Гаагского музея (забыла имя), он бегло посмотрел итал[ьянские] вещи, сел перед «Стариком» Рембрандта и смотрел его 2 часа в какие-то особенные стекла, встал и сказал: «Я могу сказать, что Рем[брандта] я знаю, у меня самого есть несколько оригиналов, и если бы Вы не сказали, что эта вещь – копия, я утверждал бы, что это оригинал». Это суждение я даже тотчас записала для памяти. Такого же рода были впечатления Беренсона и его жены француз[ской] худож[ницы], о чем он писал в своей книге об итал[ьянском] иск[усстве]³⁶.

В 1954 г. в семье Лоховых появилась еще одна серьезная проблема:

Дело в том, что дом на Robbia, 98 продан и перестроен. В июне 1954 г. мы должны были оттуда выбраться: я, Лида и ее мальчик устроились в студии (via degli Artisti 6).<...> У нас всё по-старому: те же обе студии, те же работы НН. на своих местах, которые покорно и безучастно ждут, что готовит им судьба, а пока составляют мое единственное общество близких друзей, с которыми могу молча, ходя из угла в угол, говорить о прошедшем и уходящем навсегда и о настоящем, одиноком, грустном и почти безнадежном. До сих пор мы все вместе жили на Robbia 35 лет. Лида с мальчиком в безнадежных поисках найти квартиру в Милане, девять лет жила с нами, а ее муж в комнате один оставался работать в Touring'e в Милане. Теперь ему обещают квартиру и Лида переехала в Милан, чтобы ускорить и решить наконец всю эту канитель. Борис с женою вернулись на Robbia, хотя суд должен еще решить их права на квартиру и претензии нового хозяина. А я одна в студии. Через месяц мне 80 лет (!!), но благодаря Богу еще вижу, еще слышу, еще читаю, кое-как пишу, кое-что сообщаю, а главное – никому не в тягость. Живу так, как жила с 14го года в Италии, раньше в Петербурге, а еще раньше в дорогой Украине. Вы, вероятно, знаете, что дорогие Прены уже 3 раза приезжали из Эдинбурга – столько радости, столько воспоминаний, бывлых мечтаний и надежд, столько сердечнейшей памяти к НН., столько ласки...»³⁷.

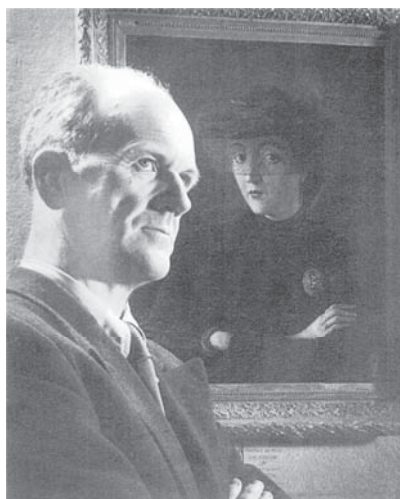
³⁶ Имеется в виду известная монография Б. Беренсона «Живописцы итальянского Возрождения», переведенная на многие языки мира, в т.ч. на русский. Цитата из письма Лоховой: ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.

³⁷ ДРЗ им. Солженицына. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 45. Первое письмо (от 7 апреля 1954 г.) Е. Климову в Квебек с нового адреса – via degli Artisti, 6.

Мария Митрофановна очень скучала по России, всему русскому и в своем общении с кем бы то ни было всегда говорила и писала: «А у нас в России... , а здесь в Италии...; У нас в нашей России». Она трепетно ждала писем из Канады – они всегда доставляли ей радость, особенно те, в которых упоминалась теперь уже не доступная ей Родина.

Евгений Евгеньевич, испытывая те же чувства, иногда баловал М.М., присылая ей свои псковские рисунки, – и 19 декабря 1955 г. М. М. отвечала ему:

<...> Письмо Ваше получила – спасибо большое и за Ваш набросок церковки в Пскове, эту я не помню, но совсем близко от Лоховых была побольше церковь Св. Николая – приходская Лоховых. У меня хранятся Ваши рисунки Печор и Изборска, я люблю их пересматривать и вспоминать и вспоминать дорогое, ушедшее навсегда. На днях мне исполнилось 80 лет и все-таки кое-где и кое-кто помнит еще и трогательно поздравили, а я сама очень-очень устала и сдала. В этот день получила чудесную книгу «Подмосковье», изд[ание] советское, но прекрасно издано и особенно иллюстрации Подмосковья, где я никогда не была и ничего не видела и не знаю. Подвожу итоги долгой, как будто интересной, счастливой во многих отношениях жизни, а задаешь себе вопрос: что сделала? Ничего. Что знаешь? Ничего. Что оставляешь после себя? Ничего. А казалось в молодости, что чуть ли не горы сдвинешь... <...> Конечно, под лежачий камень вода не потечет, а мои Борис и Лида прямо вкопались в свою повседневную жизнь, хотя тяготятся ею. Борис уходит в лирику, Лида писала libretto по-итал. для оперы «Мазепа» Чайковского и «Война и мир» Прокофьева. Теперь Лида с мальчиком в Милане в ожидании обещанной квартиры, а Боря с

Е. Климов
на выставке своих работ.
Квебек, 1954.

Публикуется впервые

женою на Via Robbia, служит он в том же Galileo, а я одна в студии, где всё на своем месте, где Вы были и видели. Щербатов болеет, художество оставил совсем, его жена писала мне, что вышла его книга, очевидно, «Воспоминания», о которых Вы пишете, но я не видела... <...> Как-то недавно в разговоре кто-то сказал, что Annigoni выпустил книгу и говорит, что все знания о технике старых мастеров он получил от рус. художника Лохова и до сих пор употребляет рецепты и все указания. <...>

Была большая радость повидать Пренов в сентябре. Эрик постарел, похудел, но всё такой же чудесный друг, а Ирочка совсем не изменилась, всё глубже входит в интересы художественной жизни, оба увлечены duecento³⁸ и в этот раз могли посетить частные коллекции (Беренсона, Contini, Corsini) и объездить Тосканские городки. Вернувшись в Эдинбург, нашли отца Ирочки больным, и до сих пор еще он не поправился как следует, поэтому наша переписка стала более редкою, да и то сказать – ведь я всё больше отхожу от жизни и материала для переписки всё меньше. Кстати, что с Вашим братом Павлом Евгеньевичем? Я писала им во Франкфурт на адрес, ими мне оставленный, но ответа не было. Всё ли у них благополучно? Очень-очень приятные оба, простые, уютные, доброжелательные»³⁹.

Л. 50, 51

M. E. Klimoff
102 Aberdeen
Québec Canada

M. Lochoff
Via degli Artisti 6
Florence

7 апр. 1956 г.

Дорогой Евгений Евгеньевич, только что получила Ваше письмо (во Фл[оренции] была забастовка три дня и еще какие-то сложности из-за Пасх[альных] каникул). Дорогой друг, уж не знаю, как реагировать: и трогает до слез Ваша забота о никому уже не нужной старухе. И знаю же, что

³⁸ То есть искусством XIII в.

³⁹ Там же. Л. 49.

лишних денег у Вас не может быть, что урываете их у себя, лишаете себя и юношей Ваших и т.д. т.д., чтобы послать мне.

<> ... не нахожу слов выразить и высказать Вам все, что вызвало оно у меня – ряд воспоминаний далеких, ряд новых молодых друзей, беседы с НН., от которых он оживал, молодец духом и всею душою привязывался к вам, Пренам и друзьям вашим. Прошли годы, 10 лет скоро со дня его кончины, здесь все о нем забыли, в студию никто не заглядывает, искусство забыто, не нужно никому; всё (театр, живопись, музыка, пение, вплоть до языка, до книги) изуродовано, в карикатуру какую-то превращено. И вот в эти моменты отчуждения, ненужности всего пережитого и гнетущей то-скливой одинокой старости – получить такое письмо, еще несмотря ни на что полное каких-то надежд, теплоты, заботы – своего рода чудо, забывается всё «новое», является еще надежда на своего рода возрождение во всех областях. Тогда я в 82 года хватаюсь за книги, конечно, русские, перечитываю старых историков, литераторов, все, что храню еще, перечитываю свои заметки и дорогие письма Пренов, Ваши, парижских друзей и пр. пр.

Простите, что я позволила себе излить Вам всё это, как-то нечаянно, помимо намерения, может быть, от полного одиночества (за всю зиму никого не вижу и ни разу не вышла даже в церковь). Горячо Вас благодарю. Но прошу Вас, дорогой друг, не повторяйте Ваши подарки. Наша русская колония здесь совсем распалась – 6 старушек одиноких моего возраста перевезли в Убежище подле Турина⁴⁰, организованное Алекс[андрой] Львовной⁴¹ (Толстовским Комитетом). Церковь, чудный Флорен[тийский] Храм, совершенно пуст, русская библиотека при церкви никогда никем не использована, современные издания (коммунистические) находятся, но большею частью туристы привозят. За весь год приезжих из России никого не было ни в студии, ни в церкви, ни в галереях и выставках.

<...> ... помню с огромным удовольствием Ваших Канадских друзей, бывших в студии, и прошу передать им приветы и если бы кто собрался в Италию, во Флор., то в студии верхней есть всегда место на двоих и я была бы так рада предложить это скромное, но очень приятное помещение с

⁴⁰ На рубеже 1940–1950-х гг. в городке Торре-Пелличе под Туринном, на базе местной Вальденской церкви, был организован приют для русских эмигрантов; См. *Талалай М.Г.* «Сделать так, чтобы они могли сказать – это “наш дом”». Помощь Вальденской Церкви русским эмигрантам в Италии. Вторая половина XX века // Исторический архив. № 1. 2012. С. 102–114.

⁴¹ Александра Львовна Толстая (1884–1979) – дочь Л.Н. Толстого. Будучи в эмиграции, в 1939 г. организовала и возглавила Толстовский фонд, занимавшийся помощью русским беженцам.

чудесным Simone Martini, Botticelli, Piero della Francesca, Bellini. А теперь позвольте горячо обнять Вас, Вашего брата и милую Ксению Георгиевну⁴², пожелать всего светлого, Вас еще и еще благодарить и еще убедительно просить не повторять подарков, исполните эту мою просьбу.

М.А.⁴³

Вроде бы смирилась Мария Митрофановна с тем, что не довелось ей определить коллекцию мужа, которая теперь скрашивала ее одиночество, как вдруг в середине 1957 г. вновь объявился аббат Тюркотт: у него возник план перевозки работ Лохова в Квебек, чтобы преподнести этот дар к 40-летию канадского премьер-министра. Надежды на Америку и Россию не осталось и, посоветовавшись с сыном и дочерью, Лохова решила принять предложение аббата, поверив, что рано или поздно

этот дар частному лицу перейдет в собственность государства, города или всего округа. И послала я телеграмму о сбавке со 100 т. (10 лет назад) до 65 т., т.е. на 1/3. <...> Стоимость же жизни в Италии возросла и возрастает, неимоверно. Но что было делать и что придумать в мои годы? <...> Не знаю, дорогой Евг. Евг., ничего о Вас, о Ваших отношениях с Turcotte, ведь Вы единственный, кто мог бы на свою ответственность взять это всё устройство. Вы были в студии, много беседовали с НН., он подробно разбирал с Вами с Эриком все вопросы. Словом, кроме Вас никто другой не сможет. И еще вот какой вопрос. Когда Metr. Mus. оценил в 100 т., то он отказался от портретов и 2-х маленьких Duccio, и мы их выделили из коллекции. Rev.⁴⁴ Turcotte пишет, что у него список 28 вещей, т.е. включая все эти вещи. Понизив на 1/3 стоимость коллекции, я думаю, что было бы справедливо оставить из этих выделенных вещей хотя бы 1 – 2. Напр., Rembrandt Старик голландской типично школы и техники никак не входит в чисто итальянское мастерство Fr. (неразб.) и quattrocento, сиенцев. То же и Venere Botticelli в кругу исключительно религиозных сюжетов Благовещ., Madonna, Распятие, Воскресение. Venere тут чуждый во всех отношениях эле-

⁴² Жена Константина Евг. Климова.

⁴³ ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 50–51.

⁴⁴ *Reverend*, досточтимый (англ.) – этикетная формула для лиц духовного звания.

мент в коллекции и НН. всегда хотел для нее одной (неразб.) создать ей особую «атмосферу». Устала, больше не могу. Обнимаю дружески Вас, Конст. Евг. и Ксению Георг. Привет жене и сыновьям. Авось, Вы выдаете Rev. Turcotte и поговорите с ним»⁴⁵.

Однако понадобилось время, чтобы доверчивой пожилой женщине наконец понять, что и вторая попытка аббата носит сугубо личный характер и ни к чему не приведет, – и Лохова извиняется перед братьями Климовыми, Константином и Евгением, что вновь их «впутала в эту канитель». В январском, 1958 г., письме Климова она обнаруживает чек на 10 долларов, одновременно помогают ей и друзья Евгения Евгеньевича – Лохова расстраивается, считает эту помощь для себя унижительной, но относит ее к памяти мужа и смиряется: других средств для оплаты содержания студий у нее нет...

Л. 70

Фото-открытка

(Мост Santa Trinita) 3.4.1958

Христос Воскресе!

Поздравляю, дорогой Евгений Евгеньевич, всех вас с чудесным Светлым праздником, христосуюсь и шлю наисердечные пожелания всего светлого. Зима была жестокая: с глубоким снегом, ветрами и непрекращающимися ливнями. Всю зиму никого не видела, да почти никого не осталось и в церкви только греки. Лида в Милане, мальчик в школе, а муж в разъездах по Италии и по Флор[енции] для журнала *Vie d'Italia*⁴⁶. Как только кончу настоя[щее] поздрав[ление], напишу «осмысленное письмо».

Несмотря на протесты Марии Митрофановны, Евгений Евгеньевич в середине декабря 1958 г. вновь помогает ей, на что она отвечает:

Дорогой, родной Евгений Евгеньевич, опять повторяете ту же историю с подарком. И старухе становится трогательно до слез и как-

⁴⁵ Там же. Л. 58.

⁴⁶ *Le Vie d'Italia* («Дороги Италии») – журнал, выпускавшийся в 1917–1968 гг. под эгидой фирмы «Touring Club».

то совестно принимать дары... За что? Почему? Хожу из угла в угол, в студии всегда одна, и начинаю вспоминать наше знакомство, наши встречи, с первого вашего приезда во Фл[оренцию] всегда какие-то родные, простые, искренние... И всё же «дары» смущают меня и всё настойчивее вопрос За что?

Дорогой мой, поймите меня, когда-то полную жизни, всегда работавшую на всю семью вместе с НН., а теперь такую убогую 83-летнюю ни на что не способную старуху. Обнимаю Вас и Вашу жену сердечно с такой же трогательной благодарностью, любовью, с какой Вы, дорогой, посылали мне этот подарок. Спасибо, родные!

Чудесное письмо сопровождало дар. Описание Севера, всей красоты его зимнего пейзажа так совпало с моими воспоминаниями о далеком прошлом зимы в Сумах, в Полтаве, Киеве, на границе. Читала письмо и слезы так и капали на него, как на что-то неповторимое, и никогда больше не повторимое. И за одно это обнимаю Вас со всею благодарностью. Что сообщить? Нечего. Наступил в жизни вообще и в искусстве всякого рода в частности какой-то сдвиг, недавнее прошлое тоже не оказалось на высоте и быстро сдало все позиции, молодое поколение хотело чего-то другого, нового и накинулось на это, пришедшее с юга Америки и каких-то других стран. Сюда каждые 10 дней приезжают фургоны для выставок «galleria». В самом начале я ходила посмотреть: молодые люди, мужчины и женщины, совершенно одинаково одетые (полотняные штаны и какие-то кофты), босиком, с белыми волосами до плеч, тащили наверх большие пачки чего-то странного, какие-то проволоки, спирали, кольца, устраивали на свой лад ateliers; и это всё повторялось и в других галереях – выставках. В наших ateliers, занятых эту зиму женщинами, – раскрашивают материю (вероятно, на вкусы южных стран) и пишут картины, не расписывая, а намазывая большие пласты красок, так что и портреты и пейзажи выходят грубо выпуклыми и ярко-красочными. Не знаю, покупают ли эти произведения, но впечатление от всего этого самое тягостное, по крайней мере, у меня. Такая же история («говорят») в музеях и книгах. Что и как делается вне Флор. – не знаю, но думаю, что и там такой же хаос. В объявлениях говорится либо об Юж. Америке, либо о Canada. Неужели этого рода живопись захватила все вкусы всего мира? В этом году наши дорогие Прены были во Флор. очень короткий срок, можно сказать, что я их почти не видела, к большому моему

огорчению. Как-то Беренсон (глубокий, чуть ли не 90 л. старик) спрашивал по телеф., где наши картины? Будто бы Miss Frick⁴⁷ говорила с ним по телефону из N.Y. о желании расширить свое собрание и приобрести работы НН. как единственные в своем роде фрески, оригиналов которых на стенах нельзя никаким способом и ни за какие миллионы. Лида говорила по тел. с Бер[енсоном], что ввиду ее переезда в Милан, моей старости и болезни Бориса, что было бы время устроить наше собрание. Бер[енсон] ответил, что ей хотелось самой побывать в студии, посмотреть все вещи и тогда окончательно решить. Пока на этом все окончательно остановилось. Сейчас перелом во всем. Modigliani [Модильяни], умиравший с голоду с матерью и ребенком, продается за миллионы, здесь вытаскивают из складов залежалое старое, идущее сейчас за баснословные деньги, то же и во Фр[анции] и в Голландии, а нужда растет и недовольство тоже. Как и чем кончится вся эта история? О России ничего здесь не знаем; ни одного человека оттуда здесь на Artisti не было и узнать неоткуда. С Пастернаком шуму было много, по-моему, из-за глупости правителя России⁴⁸. Когда-то давно в Париже мы встречали Паст[ернака], но я совсем не помню. А Ирочка писала, что читала по-англ. отрывки из его Zivago и нашла интересными и по содержанию и в литер[атурном] отношении, но переведен плохо по-англ. Тут тоже очень критикуют итал[ьянский] перевод, но не знаю, читает ли итал[ьянская] публика это творчество. Повторяю, (неразб.) и вся рус[ская] колония теперь 10-12 старух вроде меня, никто не видел это Zivago. Кончаю. Еще и еще Вас обнимаю, всех ваших тоже и сердечно приветствую и молодых Ваших друзей поздравляю с Н.Г. и желаю всего-всего доброго⁴⁹.

После длительного перерыва весной 1959 г. Мария Митрофановна сообщает в Квебек безрадостные вести: больше года

болеет Борис, пришлось бросить Galileo; доктора до сих пор не определили болезнь и в общем лечат его по наитию. Потом заболела я, всё сильнее и сильнее, и тоже доктор ничего не понимал. Перевезли

⁴⁷ О Хелен Фрик см. ниже в главе «Дело Возрождения».

⁴⁸ Имеется в виду скандал с публикацией романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», осуществленной миланским издательством Feltrinelli.

⁴⁹ ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 88, 89.

меня в Милан к Лиде в квартиру с отоплением и уходом; сначала 2 недели это был «живой труп» в буквальном смысле, а к концу первого месяца пошло было на поправку медленно очень. Теперь 4-ый месяц в Милане совсем здорова, но слабость ужасная, ничего не помню, ничего не понимаю, плохо вижу (совсем плохо), хожу с трудом. Уход во всех отношениях самый тщательный и Лиды, и ее мужа, и Николая – внука. Думаю, с нетерпением жду дня, когда вернусь во Фл. на Artisti, 6, на родное пепелище 50 лет давности. Но найду, вероятно, голые стены. С месяц назад жена Бориса пишет, со слов Бор., что Беренсон получил из Америки письмо с запросом, можно ли купить работы НН., и телефонировал Борису. Оказывается, что в Питсбурге, где уже имеются несколько работ НН., хотели бы приобрести всё и просят телеграфировать ответ и цену. Ввиду всех наших осложнений решили Борис и Лида назначить наименьшую цену и покончить раз навсегда ввиду болезни моей и Бориса. Ответ получили телеграфом утвердительный. Сразу же по их настоятельной просьбе приступили к упаковке и пересылке, Борису пришлось присутствовать и указывать, т.к. он всегда помогал отцу и, к счастью, в пересылочной конторе на днях служащие, которые работали еще с Ник. Ник. Дальше пока я сама ничего не знаю. Итак, студия, всё изжитое за полвека, пока оставляем для меня одну нижнюю ст[удию], так что скоро я туда вернусь, как только ее побелят и почистят; не будет уже ни Veronese, ни Ghirlandaio, ни Carraccio, ни Giotto, никого и ничего. Но выхода не было. Уже за последние trimestre⁵⁰ с трудом собрали сумму, и у всех нас стоял вопрос, а дальше что?

Вот Вам, наш дорогой близкий Евгений Евгеньевич, объяснение, почему я Вам не писала. Знаю, что Ирочка всё сообщает Вам обо мне, но и ей я давно не писала, и только теперь, как только получила определенный ответ из Pittsburg'a во Флор., я успела ей одной написать о всех этих перипетиях.

Что дальше во Фл. делается, как состояние Бориса, чистят ли студию и пр. пр. – ничего не знаю: видимо, Борис после этих беспокойств опять хуже себя чувствует, даже его жена редко и кратко телефонирует.

Как вы все поживаете, дорогие? Как жена и сыновья, как дорогие Константин Евгеньевич и Ксения Георгиевна? Очень прошу передать им мои поздравления и Христос Воскресе к Светлому празднику

⁵⁰ Трестр (три месяца), квартал (*итал.*).

и рассказать содержание этого письма, т.к. устаю я до крайности и не соберусь скоро писать. И как только водворюсь на Via Artisti 6 и привыкну к пустой студии, то понемногу оповещу всех дорогих, что и как у нас, что и как приняли в Pittsburgh'e, о впечатлениях там и т.д. Какая будет легкость, когда уплатятся все расходы и долги и буду я с Борисом доживать век, так затянувшийся (мне 84 год с декабря 1958 года пошел, пора на покой!).

Обнимаю сердечно всех вас и ваших дорогих жену и сыновей. Больше не могу, ничего не соображаю.

М.А.⁵¹

Л. 78, 79

«Начато в Сочельник

28 декабря 1959» (почерк неровный)

Дорогой Евгений Евгеньевич, пишу с трудом, но знаю, что Вы простите, а я хочу послать Вам, жене и сыновьям самые сердечные поздравления и пожелания всего самого доброго в наступающем Новом, прежде всего здоровья, сил, настроения писать, рисовать, с успехом полным выставлять сделанное и снова браться за новые интересные сюжеты. Я живу одна в нижней студии, почти пустой. Все фресковые копии взяты галереей (Corporate Frick) в Питсбург этим летом через Беренсона, тогда уже совсем больного. Послали, упаковали те же уже опытные. Словом, еще в авг. было сделано и до сих пор мы не имеем вестей. Ну не хамство ли? В это время Бер[енсон] умер, всё оставлено им Harvardу и всё приводит в порядок постоянная его помощница. И вот вчера 28го она телефонирует Борису, что получено из Pittsb. письмо, что всё устроено согласно подробным инструкциям Бориса и еще как-то и что-то.

Евгений Евгеньевич, бываете ли Вы в New York? Так хотелось бы именно от Вас услышать Ваше мнение и суждение. Может быть, Русская газета могла бы принять участие, просить Вас побывать и лично увидеть, что и как, только Вашему суждению я поверила бы вполне. Я все-таки рада, что кончено и сдано в архив это предприятие НН., на которое ушло столько сил духовных, столько забот материальных, здоровье НН. и такая грустная его кончина. Что же еще сказать? У нас всё грустно. Борис очень болен, неузнаваем, принужден оставить службу совсем. Продажа послу-

⁵¹ Там же. Л. 75, 76.

Евгений Евгеньевич, вы знаете ли Вы в
Менчюк? Так хотела бы и лично
от Вас услышать Ваше мнение и
суждение. Может быть Вы дадите
мне бы принять участие

Вас подвигать и личн
но и как, только Вам
я по вприме бы вполне
рада, что конечно не даю
предприятия МН, но как
ко сил духом, стою
раньше, Здоровье МН
нае его конечно.

то все...
Горю охоту сейчас
идеи не много забот
посущи это эта Ми
туркии духовной все
ваши, т. с. будет рас
в своей и с. бы путь Ва
нес. Поп и бы путь Ва
отхо в кел на пути, зна
и рожки 3 ми все проку ма
и рожки 3 ми звезды. Маг
и рожки 3 ми старшее
и рожки 3 ми теперь гор
и рожки 3 ми зную, брат
и рожки 3 ми и его мшеваичю близкую мше
и рожки 3 ми и если Герок не мше, буду мше
и рожки 3 ми рада и благодарна. Везде все мше
и рожки 3 ми приходит. Конеч. Бугера
и рожки 3 ми мшеу рожку. М. Солова
и рожки 3 ми Vie degli Artisti 6

Коллеги ^{№ 28 дека 78/79}
Евгеньевич 1959

Дорогой Евгений Евгеньевич
Пишу с трудом, но знаю, что Вы ку
стите, а и могу послать Вам, если не
Синовои самых сердечных поздравле
ния и поздравления всего самого доброг
в наступающем Новом Году, прежде все
го Здоровья, сил, настроения писать
рисовать, с удовольствием полными выста
вить в планы и снова брать, за ко
вые интересные события. Я живу
одна в маленькой студии, почти пустой
Вот фресковые копии в Замке галереи
(Согласно Фрикс) в Питтсбурге. Это мше
то и через Берлина, тогда уже сова
домой. Послала, что когда мше
уже опытные, с. мше еще в мше. Но мше
с. мше и до сих пор мше не мше мше
Ну не хаше мше? В это время Бер. мше
все оставшего мше Мелланду и мше приво
дит в порядок постоянная мше мше мше.
и вот в мше 28 мше мше мше мше
мше мше Риттв. мше мше, что мше мше
но мше мше мше мше мше мше мше
Берлин и еще мше мше мше мше.

1 - 1010 Конюф Б.

и его мшеваичю близкую мше
и если Герок не мше, буду мше
рада и благодарна. Везде все мше
приходит. Конеч. Бугера
мшеу рожку. М. Солова
 Vie degli Artisti 6

жила ему и Марии купить квартирку маленькую, но со всеми удобствами, также и Лида в Милане живет в своей и я всю болезнь 6 мес. провела у нее. Потом вернулась домой и живу одна в нижней студии, где были Ирочка и Эрик этой осенью. Остались портреты Рембр[андта] «Старик», Tintoretto 2 портр[ета], Tizian, Duccio, Nor... (неразб.) с трещиной и НН. должен был делать второй, Duchessa, Piero della Francesca (неоконченная) не вполне законченный и штук 10 пейзажей НН.⁵², некоторые из Assisi, по-моему, чудесные, конечно, не современных вкусов. Вот и доживаю одна: руки искалечены артритом – это письмо пишу дня 4, с трудом двигаю карандаш. Я – счастливее НН. У него всё оборвалось, и он ушел в полном сознании, что его заветным мечтам не дано осуществиться. А я оставляю пустую студию и спокойно в одной могиле с НН. упокоюсь. Вот вам и тема мечты и действительность. Лида в Милане. Николаю 13 лет. Огромный, учится без восторга, но прилично, очень приятный, правдивый, любит бабушку и очень жалеет, что я не с ними. Дай Бог, чтобы вышел «человечек» из него, а то сейчас в Ит[алии] молодежь дает много забот и страхов; надеюсь, что эта мировая полоса разрухи духовной не может долго тянуться, будет реакция и найдут истинный путь. Ваши, слава Богу, уже на пути, жизнь, идеи и идеалы всё продумано и налаживается в жизни. Надоела Вам? Скучное старческое бормотанье? Ну а теперь горячо обнимаю Вас, жену, брата дорогого Конст. Евг. и его милейшую, близкую мне жену, и если черкнете мне, буду так рада и благодарна. Ведь всему приходит конец. Еще раз жму руку.

М. Лохова

Via degli Artisti 6

Вот и все: коллекцию достойно пристроить успел буквально накануне своего ухода в мир иной Бернард Беренсон, главный почитатель не превзойденного никем дара русского художника. Успокоилась и Мария Лохова, его вдова, – писем ее Евгению Климову, скорее всего, больше не было. Ее не стало в 1965 г., в 1967-м скончался Борис Николаевич Лохов. Однако Е. Климов Флоренцию не забывал. Алексей Евгеньевич Климов, до сих пор разбирающий архив отца, в нынешнем январе нашел и прислал нам вот эти его записки.

⁵² Десять пейзажей Н.Н. Лохова в настоящее время находятся в личном собрании его внука, Н. Кручани. – Прим. М. Талалая.

ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ

ИЗ ДНЕВНИКА

(публикуется впервые)

18 сентября 1969 г. Флоренция. *Pensione «Chiari». Vicolo Adimare 2.*

День выдался богатый впечатлениями, но трудный. Встали в 6 ч., в 7 ч. позавтракали и в 7:30 были у автобуса, который отходил в 8:15. У нас места были совсем сзади. Вскоре за Римом показались отроги Апеннин и мы погружались в долины и подымались на холмы. Почти на всех вершинах были городки или замки с башнями, или церкви с «кампаниле»⁵³. Виноградники, оливковые деревья заполняли все свободные кусочки земли. К сожалению, в Сполето не остановились, проехали мимо и остановились у какого-то загородного отеля. Узнали, что замок в Сполето строил Гаттамелата⁵⁴, памятник которому создал Донателло⁵⁵. Через горы и долины приехали мы в Ассизи. Сразу направились в храм св. Франциска. К сожалению, было так темно, что в нижней церкви с трудом различались композиции росписей. В центре света больш. общий красновато-коричневый колорит создает радостное праздничное впечатление. В верхней церкви увидел много знакомых композиций («Проповедь птицам», «Св. Клару» и др.). Состояние всех работ плачевное, некоторые части совсем разрушены. Подновляли почему-то синие небеса и они кричат и выпадают. Лучше сохранились почему-то архитектурные детали, а фигуры и лики пострадали значительно больше. В современном состоянии фрески Ассизи впечатляют слабее падуанских (Арена⁵⁶).

Но сам город, его расположение, цвет домов и черепичных крыш действует умирительно. Прозрачно, тихо, чисто. Дома сложены из тепло-светло-коричневых местных камней, дома и церкви сливаются с цветом

⁵³ Campanile (*итал.*) – колокольня.

⁵⁴ Эразмо да Нарти, по прозвищу Гаттамелата (1370–1443), – кондотьер: в Средние века предводитель (начальник) группы наемных солдат.

⁵⁵ Донателло (полное имя Донато ди Никколо ди Бетто Барди: 1386–1466) – известный флорентийский скульптор эпохи Возрождения.

⁵⁶ Т.е. капелла Арена, более известная в настоящее время как капелла дельи Скровеньи, с фресками Джотто. – *Прим. М. Талалая.*

земли. Обилие спящих туристов, толпы их в храме Св. Франциска ослабляют впечатление и вводят базар и толчею в святое место.

Из Ассизи направились в Перуджию, главный город Умбрии, лежащий на высокой горе. Широкий воздушный простор открывается во все стороны. Вспомнил почему-то гору Фавор с открывавшимися во все стороны видами. Пинакотека была закрыта и увидеть фрески Пьеро делла Франческа не пришлось. Барышня-гид усиленно предлагала купить здесь особый шоколад, что многие и исполнили. Начала портиться погода, ветер и дождь налетали порывами.

Из Перуджии попали в Ареццо и сразу же побежали под дождем в храм, где увидели знаменитые фрески Пьеро делла Франческа. Они сияли в алтарной абсиде как драгоценные ковры. Царицы Савские, несущие дары Младенцу Христу, такого благородного ритма и мягкого красочного звучания (при большой цветности), что запомнились как одно из лучших явлений нашей поездки. К сожалению, остановка в Ареццо была краткой. Страшный ливень встретил нас перед Флоренцией, протек даже автобус, у ног оказалась лужа воды. А во Флоренции дождя почти и не было. Остановились около вокзала. На такси с трудом проехали к отелю. Слава Богу, комната была за нами. Звонил уже Марии Яковлевне Лоховой – жене Бориса Лохова. Она сразу же предложила нам свой автомобиль, чтобы показать нам Флоренцию и окрестности.

19 сентября 1969 г. Флоренция. 2 часа дня.

48 лет моих записок встречаю во Флоренции! Чудо какое-то. Утром вышло недоразумение с Марии Як. Лоховой. Мы ждали ее наверху, она ждала нас внизу. Должны теперь встретиться на углу в 3 часа дня. Сегодня забастовка, всё закрыто, закрыты и Уффици. Решили зайти в церкви, сначала в Or San Michele. Тут прекрасная Мадонна работы Daddi⁵⁷ XIV в. Светлые лики, нежные краски монументального образа напомнили мне трактат И. Владимирова, где высказывалось пожелание видеть на иконах светлые лики. В церкви (напротив) San Carlo имеется большое темное «Положение во Гроб», значительное по композиции, но страшно потемневшее.

Зашли в Duomo. Он пустовато-мрачен и как бы скорбит о своем величии и ненужной сейчас никому грандиозности. Потоками вливаются в храм туристы и нарушают смысла самого храма, превращая его в музей.

⁵⁷ Бернардо Дадади (1290–1348) – флорентийский художник.

Остановились особенно перед «Pieta» Микеланджело. Безвольное тело Спасителя, висящая безжизненно рука и ясно видимое желание оказать помощь со стороны Иосифа Аримафейского, полная печаль Богоматери, – всё это ожило в мраморе⁵⁸. Вот оно настоящее искусство!

Пошли на площади Синьории в ресторан Сильвано Инноченти. Когда-то, в 1934 году, ресторан его был в другом месте и я рисовал его жену Анжиолину и художника Пьетро Аннигони. Сильвано сразу меня не узнал, но потом начал вспоминать Ригу, Прэнов и то, что я у него делал. Из большой прежней фрески уцелела только фигура его слуги. Но теперь висит в первой комнате «Проповедь Иоанна Крестителя» работы Аннигони. На ней видны современные люди, рабочие, крестьяне, которые слушают Иоанна. Евангельская идея перенесена в современность. Картина написана в теплых коричневатых тонах. На стене висит также этюд Эрика Прэна.

Из ресторана пошли под Уффициями⁵⁹ к Арно, дошли до моста «Ponte Vecchio», вспомнил, как писал в обе стороны с моста в 1934 г. Хорошо всё знакомо.

19 сентября 1969 г. Флоренция. Вечер.

В 3 часа встретились с М.Я. Лоховой, итальянкой из Сардинии. Энергичная и живая, она учительствует в народной школе в деревне под Флоренцией. Она несет в себе память не только об умершем Борисе, но и о всей семье Лоховых. «Они так любили Россию, – говорила она, – всегда меня уверяли, что нет лучшей страны и лучшего народа, чем Россия и русские. Правда ли это?»

Удивительно, что она еще свободно говорит по-русски, – правда, с акцентом и ошибками. Мы поехали с ней сначала на Fiesole, откуда смотрели на лежащую внизу Флоренцию, на далекие горы, подернутые легким туманом. Спустились потом вниз, зашли в церковь Convento di S. Francesco, увидели хорошие фрески и отдельные иконы XV и XVI вв., а отсюда проехали на квартиру самой Марии. Здесь были некоторые копии Ник. Ник. (Тициан, Тинторетто) и его автопортрет и пейзажи. Написаны они темперицей, по композиции всегда очень крепки, но по краскам суховаты. После

⁵⁸ В настоящее время композиция Микеланджело, называемая обычно «Пьета Бандини» (по одному из владельцев), помещена в Музее собора.

⁵⁹ В итал. яз. *Uffizi* (конторы, офисы) – множ. число, однако в совр. русском принято название флорентийского музея как Уффици.

чая поехали на Piazza Michelangelo⁶⁰. Увидели Флоренцию с другого берега Арно. Удивительно красивое было небо, на фоне которого выделялся «Давид». Оттуда поехали на San Miniato. Вид с горы еще более грандиозен. Мозаики в церкви совершенно бесподобны. Благословляющий Христос, Б.М. и Св. Миниатус⁶¹ (1297 г.) по силе выразительности – одна из лучших древних мозаик. Христос властный и непоколебимый в своем благословляющем жесте. С San Miniato поехали на кладбище поклониться праху Н.Н. и М.М. Лоховых. На могильной плите надпись по-итальянски, что «тут покоится художник, который не создавал мировых шедевров, но замечательно воссоздавал великие произведения итальянских мастеров эпохи Возрождения. Средства на поминальную плиту дала семья Лоховых и двое друзей». Этими последними были наши Прэны. На кладбище много русских могил⁶².

С кладбища поехали на т.н. Чертоза ди Фиренце, или Certosa del Galluzzo, бенедиктинский монастырь⁶³. Тут живут затворники-монахи, но здесь же готовят и ликеры. Вид открывался пленительный с небольшой террасы...

20 сентября 1969 г. Флоренция.

Утром были в Уффициях. Останавливались только на главном. Зал трех Мадонн – Чимабуэ, Джотто и Дуччио – особенно впечатляющ. Дуччио наиболее близок нашей душе по нежности и ласке. Особенно почувствовал необыкновенную юношескую прелесть в «Благовещении» Леонардо. Сколь прекрасен профиль Арх. Гавриила! Вспомнил, как Н.Н. Лохов объяснял мне «Поклонение волхвов» Леонардо. Как это значительно и проникновенно! Присматриваюсь к произведениям Леонардо, ибо думаю читать доклад о Леонардо. Думал, что портреты XV в. главным образом декоративны, но сейчас заметил, сколько в них пронизательности; здесь

⁶⁰ Панорамная площадка на холме на левом берегу Арно; точное название – Piazzale Michelangelo.

⁶¹ Мученик Мина (Миниас, Миниат), царевич Армянский, мученик III в., включен в русско-православные Святцы.

⁶² Список русских могил на некатолическом кладбище Аллори см. *Талалай М.Г.* Русский некрополь во Флоренции // Archivio italo-russo = Русско-итальянский архив. № VIII. Салерно, 2011. С. 297–324.

⁶³ Во флорентийском Картезианском монастыре в предместье Галлуццо обитают цистерцианцы, принадлежащие к ответвлению от бенедиктинского Ордена.

чувствуешь внутреннюю сущность человека. В галерее автопортретов (многих весьма отличных) не увидел автопортретов Кипренского, Айвазовского и Кустодиева⁶⁴. Один зал был закрыт.

После обеда пошли в музей San Marco и по пути попали в San Lorenzo, чтобы поклониться Микеланджело. До слез трогает все: фигура задумчивого Лоренцо Медичи, горделивого Джульяно и четыре знаменитые фигуры. Так естественно, значительно; и никто не смог после создать такой апофеоз человеческому телу. Но почему-то, смотря на эти гробницы, стало очень грустно. Мы, такие маленькие пигмеи, бросаемся на великое наследие, но не даем никаких последствий этого знакомства. Мы способны летать, ездить, но творить, как Микеланджело, мы уже не можем. Wir sind ausgepumpt⁶⁵. А он светит нам без устали. Чудеса.

В музее San Marco ходили из кельи в келью и умилялись Фра Беато Анжелико, его сердечному и искреннему исповеданию христианских истин. В наивности его искусства есть пленяющая прелесть.

Встретился через 35 лет с «Преображением» Бальдовинетти⁶⁶, которое писал (по указаниям Н.Н. Лохова) еще в Риге. Сохранилось ли оно и где оно?

На вокзале купил уже билеты в Милан, зашел опять в S. Maria Novella. Были хорошо освещены фрески Гирландайо. Торжественно, празднично и величаво выступали все фигуры на фресках.

21 сентября 1969 г. Флоренция.

Рано утром направились в Palazzo Pitti. С моста в тонкой воздушной дымке виднелись горы, река и город. Прошли мимо дома, где жил Достоевский и писал сто лет назад «Идиота»⁶⁷. В галерею Питти попали сразу после 9-ти часов, когда еще почти не было посетителей. Среди роскоши убранства всех зал висят мировые шедевры Тициана, Рафаэля, Тинторетто и мн. др. Особенно захватил портрет Томмазо Мости, работы Тициана, весь в серебристых оттенках. Не говорю уже о благородстве и характери-

⁶⁴ Эти, как и многие другие произведения, принятые в Галерею автопортретов при Уффици, хранятся в ее запасниках. Кроме указанных русских художников, в Галерею попали портреты эмигрантов – А. Исупова и М. Шагала.

⁶⁵ Мы измучены (устали) (нем.).

⁶⁶ Алессιο Бальдовинетти (Baldovinetti; ок. 1425, Флоренция – 1499, там же) – мозаичист и живописец.

⁶⁷ Адрес: piazza Pitti, 22. На доме водружена мемориальная доска.

стике, которые придал Тициан этому человеку. Это одна из вершин, как Веласкес, Рембрандт, Вермеер, до которых долетало человечество. Из окон открывались виды на сад Боболи. В одной из зал заметил портрет русского посланника 17-го века. Под портретом надпись: Чемоданов, Иванович (!?). Кто исполнял портрет – не знаю⁶⁸.

По дороге к S. Croce, где должны встретиться с М.Я. Лоховой, чтобы ехать в деревню, прошли по улице Dei Venci. Снова вспомнил о Леонардо в связи с портретом G. Venci, поступившем в собрание Меллона в Вашингтон⁶⁹. Но дома Venci не нашли – возможно, что он был заперт.

В S. Croce поклонились гробницам Данте⁷⁰ и Микеланджело. В 11 часов поехали с М.Я. Лоховой в деревню, в 25 километрах от Флоренции, где она преподает в народной школе. Небольшая деревушка лежит среди холмов и долин, это подлинная Тоскана. Хороший дом школы. Кроме классной комнаты, есть еще комнаты, где стоит мебель Лоховых, висят картины Н.Н. Один пейзаж (со снегом) особенно удачен.

В деревне все знают Марию, она там преподает уже 25 лет. Ученицы повыходили замуж, ученики переженились. Теперь в школе дети учеников и учениц прошлых лет. По окружным горам ходила Мария с мужем пешком, знает окрестности. Ее здесь любят и ценят. Живет она во Флоренции, приезжает на автомобиле утром и уже после 12-ти возвращается домой. Учеников в классе всего 8–10.

Есть в деревне колониальная лавка. Владельцы устроили у себя в квартире над лавкой для нас, приехавших (приехала и кухня М.Я., также из Сардинии), чудесный обед с вином, пельменями, мясом и сладким. Было радужно, весело и вкусно. На обратном пути остановились на улице S. Leonardo, около дома, где жил Чайковский, когда писал «Пиковую Даму». Домик скромный, обшарпанный, улочка тихая, напротив дома густые деревья за каменным забором⁷¹.

⁶⁸ Иван Иванович Чемоданов (точные даты жизни неизвестны) – русский дипломат середины XVII в.; его портрет кисти Юстуса Сустерманса был создан во Флоренции в 1657 г. – Прим. М. Талалая.

⁶⁹ В 1967 г. американский меценат Пол Меллон, приобретя портрет Джинервы дей Бенчи работы Леонардо, передал его в Национальную Художественную галерею в Вашингтоне.

⁷⁰ Во флорентийской базилике Санта Кроче – пустая могила Данте (кенотаф), т.к. поэт погребен в Равенне. – Прим. М. Талалая.

⁷¹ Адрес: виа Сан Леонардо, № 64. Дом сейчас отмечен мемориальной доской. – Прим. М. Талалая.

Возвращались снова через Piazza Michelangelo. Небо было особенно великолепно. Из-за гор выростали высокие кучевые облака и останавливались, как бы цепenea от торжества природы.

Были в городской квартире у М.Я. Лоховой. Отношения ее с Лидией (дочерью Н.Н.) напряженные. Лидия хочет отправить все работы Н.Н. в Россию, думая, что там понимают лучше его искусство.

В Баптистерии крестили при нас целый ряд ребят. Значит, традиция и привязанность к древнему месту не умерли. Это радует.

Наши встречи в Риме и Флоренции дали нам значительно больше того, что мы предполагали.

Сегодня день смерти дорогого Василия Ивановича [Синайского]⁷². Помню, как были мы все вместе во Флоренции, были у Лоховых, попали потом в Падуу, Равенну, Венецию. <... >

22 сентября 1969 г. Флоренция.

Мы решили в San Gimignano не поехать, ибо это занимает целый день. Надо передохнуть, завтра надо ехать в Милан.

Кончается третий этап нашего путешествия.

Чудесно было утром на берегу Арно. После завтрака разменяли чеки и пошли в S. Maria Novella, чтобы еще раз насладиться фресками Гирландайо. Это, конечно, не иконы в нашем смысле, это скорее пышные иллюстрации на тему жизни Девы Марии, и сколько в них благородства, сколько уважения к религиозной теме, понятой декоративно-празднично. Движения персонажей на всех фресках скованно-ритмичны, иногда же игриво-занимательны. Архитектура всюду написана превосходно, по всем правилам линейной и воздушной перспективы. Весь ансамбль фресок в целом – память о великих достижениях XV в. А куда ушли мы в живописи, что нами создано по сравнению с такими произведениями?

Решили использовать послеобеденное время и поехать на Villa Medici в Poggio a Caiano, в полчасе езды от Флоренции.

⁷² Василий Иванович Синайский (1876–1949) – профессор, зав кафедрой гражданского права Латвийского университета (Рига), специалист по римскому и гражд. праву; исследователь старины, увлекался живописью; изучал русский и латышский фольклор, древнерусскую иконопись. Результатом его неоднократных поездок в Изборск и Печоры явилось издание «Псково-Печерский монастырь» (Рига, 1929), ставшее библиографической редкостью. В середине 1944 г. вынужден был уехать сначала в Прагу, затем в Брюссель.

На самой вилле идет реставрация и внутрь никого не впускают. Кругом сад-парк с деревьями разных пород; в кадках растут лимонные деревья. Все сейчас в запустении.

Кончаем флорентийский этап путешествия и завтра вступаем в последний итальянский этап – миланский. Много тепла видели со стороны Марии Лоховой. Как радостно встречать на чужбине знакомых, добрых людей⁷³.

Закончить рассказ об отношениях двух художников следует с того, с чего начинали, – этому содействовало письмо Лоховых, присланное нам, как говорится, «только что», 5 июня с.г., Алексеем Климовым и найденное им за обложкой дневника отца. Оно дополняет биографию Лоховых новыми сведениями об их пребывании на Родине после возвращения из-за границы по амнистии 1905 г., пришло из Флоренции в Ригу 10 апреля 1938 г.:

Дорогой Евгений Евгеньевич, что Вы думаете о Лоховых?

Получили Ваш подарок – альбом⁷⁴ – и ни слова. Простите Бога ради! Всему причиной инфлюэнца невероятная во Флор., которую переболели у нас почти все, и без преувеличения могу сказать, что не было минуты свободной сесть за письмо.

Горячее Вам спасибо от всех нас! Не только мы, старики, жившие в Печорах, помнящие еще их, но Лида и Борис, часто с волнением прямо пересматривают рисунок за рисунком. Борис уверяет, что где-то подсознательно у него всплывают воспоминания о Печорах⁷⁵. А весенние пейзажи сколько навевают впечатлений и воспоминаний! Кажется, что ощущаешь этот особенный запах воздуха, эти особенные весенние шумы, чего здесь не бывает, чего здесь никто не знает. За одно это как Вас отблагодарить, дорогой Евгений Евгеньевич? В былое время дети – племянницы из Полтавы – вкладывали в письма то

⁷³ Е.Е. Климов. Дневниковые записи. Из семейного архива А.Е. Климова – предоставлены Алексеем Евгеньевичем специально для данной книги.

⁷⁴ Альбом литографий Е. Климова «По Печерскому краю» (вст. ст. А.И. Макаровского). Изд-во а/о «Эрнст Платес», Рига. Февраль 1938.

⁷⁵ Значит, Лоховы, вернувшись из Парижа в Псков, совершали поездки в Печоры и Изборск.

веточку черемухи, то подснежник, то кусочек вербочки с пушистой штучкой – ничего этого здесь нет, и об этом особенно вспоминаешь каждую весну, ведь и весны собственно здесь нет. Вы не поверите, как мне горько, что НН. не удастся попасть в Ваши края. Ему было бы прямо необходимо для души, для настроения увидеть если не родной совсем пейзаж, то близкий родному, пожить в Печорах, в Изборске, пожить среди друзей близких, к нему так сердечно относящихся, беседовать на близкие темы, делиться всем, что долгим опытом приобретено, и т.д. И вот судьбе не угодно доставить ему такую большую радость!

Что теперь работаете? Чем заняты? Какие новые планы у Вас с Эриком Дмитр.⁷⁶? НН. трудно говорить о планах: его работы так громадны, что в теперешний волнительный момент нельзя и думать об этих колоссах, которых и сдвинуть нельзя, но не то что частным лицам, но и музеям и даже храмам. Пробовала убеждать НН. составить и записать все его технические заметки, все его «рецепты», пробы и т.д., но ничего из этого не выйдет, НН. до мании не способен владеть пером и карандашом. Очень это обидно, но помочь никак нельзя.

Как поживает Марья Клементьевна и Ильюша⁷⁷? Ирина Эдуардовна в таком восхищении от Вашего мальчугана, а я сочиняю о нем сказочки и рассказываю здесь девочкам Кочубея, 3-летней очаровательной моей любимице, так что она знает уже Ильюшу и его проказы (всегда забавные и доброжелательные).

Подробнее о нас пишу Пренам – наверное, Ирина Эдуардовна вам расскажет. НН., Борис, Лида и я горячо жмем руку и шлем Вам спасибо и спасибо. М. Клем. мой сердечный привет, а Ильюшу крепко целую.

М.Л.⁷⁸

⁷⁶ Прены, как и Климовы, жили в Риге.

⁷⁷ У Е.Е. Климова два сына – Илья (1936 г.р.) и Алексей (1939 г.р.).

⁷⁸ Семейный архив А.Е. Климова (США, Покипси шт. Нью-Йорк).

III. НИКОЛАЙ ЛОХОВ – ЭРИК ПРЕН

Об отношениях двух художников, о которых на каком-то этапе можно говорить как об ученике и учителе, мы узнаем, в большей мере, благодаря хранящемуся в Русском архиве Лидса (РАЛ, Великобритания) фонду Эрика Дмитриевича Прена. Биография Н. Лохова, составленная Э. Преном, начинается прекрасными словами о цели и значении творчества копииста:

Щедро одаренный, большого ума и культуры, Лохов принадлежал к высшему и лучшему кругу русской интеллигенции; область, в которой он трудился и которую знал как мало кто другой, была живопись, не его личная, творческая, а ее сущность в самом широком смысле этого слова и, главным образом, итальянская, от средневековой и до ренессансной включительно. Его знания, опыт и чуткость в этой области были таковы, что он мог воспроизвести в повторении, в точнейшей копии, какую-либо фреску, алтарный образ, жанровую сцену или портрет в их первоначальном виде, или в том более или менее пострадавшем состоянии, в котором они дошли до нас. Его описания и толкования стилей, школ и искусства отдельных мастеров, сообщенные в беседе, были всегда увлекательны, убедительны и глубоки, т.к. они были основаны на громадной любви к искусству и его понимании. <...> ... у Лохова постепенно созрела мысль, что т.к. это искусство имеет громадное воспитательное и образовательное значение для учащихся – будущих художников, то надо постараться сделать его доступным в самой России, через сделанные им копии – вернее будет сказано, реконструкции самых значительных оригиналов. <...> Как только Николай Николаевич осознал в себе свое полное умение владеть техникой точнейшей реконструкции былого времени, в нем стала развиваться мысль создать для России целую коллекцию самых важных примеров работ итальянских художников поздних средних

веков и ренессанса. Он хотел сделать их доступными для воспитанников наших художественных училищ без необходимости поездок за границу, не доступных для большинства по недостатку средств¹.

Материалы Русского архива проливают свет на поиски, и не только самим Лоховым, отосланных в Москву до 1914 г. его работ. По этому поводу Э. Прен свидетельствует:

Интересно, что никто никогда не видел эти лоховские работы в музее, ни во время Первой войны, ни в двадцатых-тридцатых годах, когда их искал там очень близко стоявший к Николаю Николаевичу профессор, американец Д. Томпсон, Куртольдского Института Изящных Искусств в Лондоне². Надо было тогда придумать какие-нибудь причины, почему ему не удалось видеть Лоховские работы, чтобы не расстроить Николая Николаевича и Марию Митрофановну³.

В конце 1950-х след репродукций мужа безуспешно искала Мария Митрофановна: «...из Москвы ни слова, только на вопрос: где 9 больших вещей Лохова, находящихся в Музее Из[ящных] Искусств? – был ответ, будто они хранятся в надежном “хранилище”, и только»⁴. След восьми работ отыскался лишь в январе 2017 г., остается ненайденным в Москве «Папа Юлий II» Рафаэля...

Биография Лохова, составленная Преном, содержит более конкретные сведения нежели, скажем, письма, – и это вполне объяснимо.

Он работал во Флоренции, в Сиене, в Ассизи, в Венеции. < ... > Его известность и авторитет среди причастных к живописи того времени всё возрастали. У Николая Николаевича сложились свои убедительнейшие мнения о характерных чертах техники той или иной школы итальянской живописи прошлых веков. Поставленная в то

¹ РАЛ (Великобритания), MS 1482 Eric Prehn Papers. П. 6. Л. 1.

² Институт истории искусств Курто (текстильный фабрикант и коллекционер Сэмюэль Курто основал Институт в 1932 г.) – в составе Лондонского университета – имеет собственную галерею. С 1989 г. Институт располагается в Сомерсет-хаус, где ранее находилась Королевская Академия художеств.

³ РАЛ, MS 1482 Eric Prehn Papers. П. 6. Л. 3.

⁴ ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 43. Оп. 1. Д. 15. Л. 65.

Э.Д. Прен
(«Наше Наследие». № 86. 2008)

время на серьезные основания история искусства многим обязана Лохову в этих отношениях. Его суждений о сохранности, реставрации, авторстве и т.д. искали историки искусства, директора музеев и галерей. К нему в его флорентийскую студию прибывало много посетителей, которым он всегда охотно и с увлечением давал объяснения, интерпретируя характер и значение искусства в долгих беседах. Известный автор большой истории итальян-

ского искусства Пьетро Тоэска⁵ приводил к Николаю Николаевичу своих студентов университета слушать его по всяким вопросам⁶.

Более подробно рассказывает Прен и о работе Лохова над конкретными копиями, и о материальных трудностях семьи, свидетелем чего он являлся:

Надо было во что бы то ни стало содержать обе студии во Флоренции, небольшую квартиру рядом, на другой улице, и две комнаты с террасой в Ассизи, чтобы обеспечить очень важную работу там. Несмотря на трудности, Николаю Николаевичу удалось получить частные заказы, и он принялся делать две копии одновременно – одну для заказчика, другую для коллекции. Таким образом были, между прочим, сделаны две копии «Благовещения» Симоне Мартини в галерее Уффици во Флоренции, одна из которых была отправлена в Америку. Две копии, и тоже одновременно, были сделаны с фрески Симоне Мартини в нижней церкви в Ассизи, с погрудного изображения так называемой Санты Кьяры⁷. Одна из этих копий была оставлена Лоховым как его реконструкция фрески, когда она была закончена ее

⁵ Pietro Toesca (1877–1962) – видный историк искусства, в особенности средневекового.

⁶ РАЛ, MS 1482 Eric Prehn Papers. П. 6. Л. 3.

⁷ Речь идет о св. Кларе Ассизской, сподвижнице св. Франциска.

автором, в чистых нежнейших тонах со сверкающим золотом нимбом. Изысканность рисунка, позы и осанки святой сразу убеждают в исключительной чуткости Лохова как интерпретатора итальянского искусства позднего средневековья и совершенно исключительного мастера техники живописи. Между прочим, это не единственный пример Лоховской реконструкции: в таком же первоначальном виде была оставлена копия фрески того же мастера в капелле св. Мартина, тоже в нижней церкви в Ассизи. Сюжет ее – сцена из жития святого, «Сон, в котором ему является Спаситель с ангелами». К этим двум случаям восстановления в копиях двух фресок нужно еще прибавить восстановленную «Мадонну» Боттичелли в Уффициях, в которой Младенец держит в ручке гранатовое яблоко, разрезанное пополам. Оригинал этой большой круглой вещи находится сейчас в плачевном состоянии. От грязи все краски приняли общий серый тон. Николай Николаевич дал своей копии первоначальные чистые краски и блеск золота.

Известный историк искусства и критик Беренсон, живший еще в тридцатых годах в Сеттиньяно близ Флоренции, стал просить и настаивать на том, чтобы Николай Николаевич не патинировал и не доводил эту дивную его работу до теперешнего состояния ее оригинала. Такой она и осталась. <...> Эта Мадонна чрезвычайно прекрасна в таком виде, особенно в лицевых частях, в голубом фоне и светлых одеждах, шитье в вуалях, косынке Мадонны и т.д. В темных тонах, особенно в красных, эта вещь всё же производит несколько, так сказать, «сырое» впечатление. После этого посещения студии Беренсон уверовал в то, что Лоховское дело свято, и с тех пор всячески содействовал ему⁸.

Поскольку в храмах Псковской земли сохранились настенные росписи (в самом Пскове – XII–XIV вв., в Мелетове Псковского р-на – XV в.), представляющие ныне серьезную проблему, для псковского читателя мы оставляем мнение их земляка о реставрации фресок:

⁸ Там же. Л. 5.

У Лохова не только накопились громадные познания в области всяких родов живописной техники, но и в вопросах, связанных с реставрацией. Как правило, он не брал на себя реставрацию оригиналов и когда вопрос касался стенных росписей, то был, по своим убеждениям, вообще против нее. Он считал, что живопись, исполненная на штукатурке, покрывающей стену, имеет обыкновенно определенный срок жизни, в зависимости от всяких условий. По истечении этого срока она обречена на «смерть». Николай Николаевич был убежден, что в громадном большинстве случаев продлить эти сроки невозможно. История искусства знает довольно много случаев, когда сами авторы стенных росписей или позднейшие так называемые «ревнители-искусства-специалисты» пытались остановить тление и что из таких попыток обыкновенно бывал только вред. Достаточно вспомнить «Тайную Вечерю» Леонардо в Милане, реставрированную уже им самим. При всем этом Лохов не был принципиальным противником всякой реставрации, как некоторые, особенно из тех, которые видели плохие или совсем скверные ее примеры, встречающиеся, увы, в Италии, и не знают о замечательных результатах, достигнутых в этой области после последней войны, особенно в области темперной живописи. Всё же в двух-трех случаях Лохов взял на себя реставрацию, принимая во внимание особые условия. В первом из этих случаев Лохов восстановил совершенно осыпавшийся голубой фон «Распятия с Сан Доменико»⁹, написанный Анджелико в большом киостро¹⁰ музея Сан Марко во Флоренции. Вся реставрация свелась к этому, т.к. сама стена и штукатурка оказались в хорошей сохранности. <... >

Громадная польза для потомства деятельности Лохова состояла в том, что в его реконструкциях сохранился ряд выдающихся примеров живописи, оригиналы которых уже не дожили до теперешнего времени. Нужно заметить, что приходит время, когда росписи на стенах вдруг начинают разрушаться особенно быстро. Бывают случаи, когда фреска, в которой более или менее опытный глаз может еще разобратся, через, скажем, год приходит в такое состояние, что сюжет ее уже не ясен и отдельные детали пропали без особых на то причин. Такая судьба постигла росписи в трех люнетах в том же киостро, так же кисти Анджелико, в котором сохранилось упомянутое выше «Рас-

⁹ Точнее: «Распятие со св. Домиником».

¹⁰ *Chiostro* – внутренний монастырский дворик с аркадами.

пятие». Их сюжеты – «Христос Пилигрим с двумя доминиканцами», «Полуфигура Спасителя, показывающего свои язвы» и «Сан Пьетро Мартире»¹¹. Первая и третья из этих вещей были повторены Лоховым еще в хорошем состоянии – теперь они неузнаваемо разрушены и больше не существуют, копии же их будут существовать в теперешнем их виде еще очень и очень много лет¹².

Как считал сам Прен, развитию его таланта способствовали два счастливых обстоятельства:

Первое, чисто личного свойства, – бракосочетание с Ириной Эдуардовной Гартье¹³. <...> Математик по образованию и поклонница трудов Флоренского, скромная умница, Ирина Эдуардовна оказалась мужу во всем главным созвучной, – во всем «не главным» его дополняла. Если у Эрика Дмитриевича были чисто английская флегматичность, сдержанный юмор и деятельная доброта, то Ирина Эдуардовна отличалась русской задушевностью и умением выслушать и утешить, привлекавшими к ней самых разных людей. Второе счастливое, обуславливающее всё дальнейшее развитие искусства Прена, обстоятельство – встреча с Италией и с Николаем Лоховым¹⁴.

Отношения художников и их семей отражены в «вахтенных журналах» Прена и переписке его жены с Марией Лоховой. Первая встреча с Николаем Лоховым произошла 23 июня 1935 г.:

Николая Николаевича мы впервые увидели за работой в нижней церкви Сан Франческо в Ассизи; уже вечерело и под низкими массивными сводами царил почти полный мрак. Перед ним было два мольберта с двумя копиями, которые он делал с «Санты Кьяры» Симоне Мартини, упомянутой уже мною. Угол трансепта, в котором он работал, был ярко освещен электрической лампой с прожектором. Мы познакомились и сейчас же ушли¹⁵, не желая мешать. Следующая

¹¹ «Св. Петр-мученик».

¹² Там же.Л. 5, 6.

¹³ 1931 г., Рига.

¹⁴ *Пайман А.* Эрик Прен // Наше наследие. №68/2008. С. 146.

¹⁵ Э.Д. Прен путешествовал с женою.

Н. Лохов и Э. Прен. Флоренция.
РАЛ (Великобритания).
Публикуется впервые

цетти в музей Опера дель Дуомо. Надо было готовить темперную эмульсию на казеине, стирать краски, приготовить большую доску-триптих, грунтовать ее, золотить, полировать золото, чеканить узоры на нимбах и, наконец, перевести на доску рисунок карандашом. У Николая Николаевича не было записано ни одного рецепта, никаких заметок о результатах его прошлых опытов – всё это хранилось у него в памяти. Сперва он довольно настойчиво старался уговорить меня не помогать ему ни в чем. Не то, что он боялся «услужливого профана», чтобы не сказать покрепче. Он считал, что эта работа была его собственной обязанностью, что всё равно вся эта сложная, кропотливая возня с красками никому не пригодится и мне будет не нужна в будущем. <...> В Сьену я уехал с ним, мы жили в одной гостинице, пока он не нашел себе комнату, за которую пришлось, конечно, платить гораздо меньше. Туда же приехала моя жена с подругой и мы все вместе провели очень счастливо около недели и, между прочим, видели Пал-

встреча была уже во Флоренции, на Лоховской квартире... <...> Тогда же в тот приезд в Италию нам посчастливилось прослушать подробный долгий рассказ Николая Николаевича о том, что ему удалось собрать в студии для отправки в Россию, – это же должно было когда-нибудь осуществиться! <...>

Вторая наша встреча была в тридцать седьмом году. Я провёл около месяца во Флоренции один, копируя темперой Лоховские работы под его руководством, чтобы хоть немного освоиться с этой техникой живописи. Николай Николаевич собирался в Сьену, где ему заказана была копия «Рождества Богородицы» Пьетро Лорен-

лио, скачки на главной площади, и большой праздник, бывающий два раза в год. Сколько времени прожил в Съене Николай Николаевич, не помню, вероятно, около месяца. Распрощались мы со всей семьей уже во Флоренции...¹⁶

Эту поездку с Лоховым в Сиену Прен вспоминает и в письме «ученику Н. Лохова, американцу Дэниелу Д. Томпсону:

Вы знаете, как неохотно он разрешал помочь в работе, но мне удалось убедить его, что смогу, под его надзором, смешать эмульсию. После этого мне довелось помочь с переводом рисунка Рождества Богородицы в (*неразб.*) в Сиене на сессо¹⁷. Поехали в Сиену вместе и вместе поставили мольберты. Ира приехала через несколько дней, и мы втроем пошли в толпу на Самро¹⁸ посмотреть Palio¹⁹, изумительное зрелище. Именно тогда, сидя с нами в кафе, Лохов мне доверил все свои рецепты для подготовки темперы на казеине и для помола красок. Я ими пользуюсь до сегодняшнего дня». С того времени, как Эрик Прен перенял от Лохова технику темперного письма, для него начался новый, «итальянский период». Пользовался он этой техникой для городских пейзажей и в картинах религиозного или символического содержания: те и другие приобретают, благодаря трудоемкой и спокойной подготовке, вневременной характер и духовную просветленность...²⁰

В 1937 г. Эрик Прен был свидетелем еще одной работы Николая Лохова – реставрации в вилле Барбаро, близ Мазер, в провинции Тревизо (северная Италия).

Одна из зал этой виллы, принадлежавшей министру финансов Вольпи, в правительстве Муссолини, была расписана Паоло Веронезе, венецианским мастером, во второй половине шестнадцатого века. Зала эта, не очень большой ширины, оканчивалась полукру-

¹⁶ РАЛ, MS 1482 Eric Prehn Papers. П. 6. Л. 6.

¹⁷ Сессо (*итал.*) – загрунтованная поверхность.

¹⁸ Самро – центральная площадь в Сиене: полное название Piazza del Samro. – Прим. М. Талалая.

¹⁹ Лошадиные гонки по улицам Сиены.

²⁰ Пайман А. Указ. соч. С. 146. Здесь автор использует черновик письма Э. Прена Д. Томпсону, хранящийся в РАЛ.

глыми стенами с дверьми, выходящими на балконы второго этажа, одна в сад, другая в сторону подъезда. Из первой, через мраморную балюстраду открывался чудесный вид на широкий пейзаж с холмами в сторону более высоких гор. Веронез продолжил этот пейзаж в своей росписи в двух больших панно с каждой стороны двери; мраморная балюстрада фигурирует и в них, причем в композиции были введены также большие деревья, фигуры в натуральную величину в костюмах охотников с копьями и собаки, все люди изображены со спины, как смотрящие вдаль. Вся роспись эта была превосходна по своему высокому качеству и по большому интересу как воплотившая впервые в европейской живописи почти все стилистические особенности французского искусства 17-го века, считавшейся свободной от итальянских влияний. В этих своих вещах Веронез прямо указывает путь, по которому следовали оба Тьеполо, венецианские художники 18-го века. В свое время, по неизвестной мне причине, эти панно были покрыты слоем штукатурки, которая была при Лоховской реставрации снята, и поврежденная насечкой живопись Веронеза восстановлена в своем первоначальном виде. Работа эта и в особенности роспись потолка, на котором была изображена Юнона, летящая по небу в львиной колеснице, была чрезвычайно утомительна Николаю Николаевичу и в чисто физическом смысле. Он взял ее на себя по необходимости, чтобы получить средства к существованию. Тогда же мы провели с Лоховыми два-три счастливых дня в Венеции, куда приехал отдохнуть из виллы Мазер Николай Николаевич, а Мария Митрофановна экспромтом и в виде сюрприза – из Флоренции. Никто другой, кроме него, никогда не мог бы так показать Венецию, и мы ходили вчетвером по всему городу далеко за полночь, изнеможенные, кроме него самого²¹.

Завязавшаяся крепкая дружба продолжилась интенсивной перепиской, но письма были уделом женщин. Осенью 1939 г. Прены оказались в Лондоне, куда собирались переселиться, и первое письмо Марии Лоховой, сохранившееся в Русском архиве Лидса и датированное 12 февраля 1940 г. – в Лондон.

²¹ РАЛ, MS 1482 Eric Prehn Papers. П. 6. Л. 6, 7.

Mrs Prehn
607 Duncan House
Dolphin Square
London S.W.1.

Дорогая, милая Ирочка, получила наконец Ваше большое письмо, читала его с большой радостью и с большим волнением – наконец опять контакт с дорогими нам близкими друзьями. Какая это страшная вещь – одиночество, потеря близких и неизвестность о них. А получится весть, протянется ниточка и как-то бодрее на душе, исчезает этот страх одиночества. Вы скажете: «Но у Вас семья, муж и дети». Это верно, и когда мы вдвоем, жизнь кажется легче, ведь мы 40 лет вместе, одинаково думая, чувствуя и реагируя на все. У Бори своя жизнь, свои заботы, хотя он старается не отходить, а наоборот быть ближе к нам. С Лидой мы очень понимаем друг друга, но она теперь так одинока, что болит душа за нее. В Падуе работа еще тянется, с одной стороны для НН. это хорошо – в работе он от всего отвлекается, весь в ней и только вечером один в своей мансардной комнате возвращается к реальной жизни. С другой стороны, его удручает, что заработка эта работа почти не дала и вопрос о нем стоит уже во всей силе и безнадежности. Я сильно постарела и физически, и морально, всем существом ощущаю тяготу жизни. Хожу читать к полуслепой одинокой кн. Дондуковой²², очень умной, совсем особенных взглядов, и это мое отвлечение и развлечение, читаем дорогих русских классиков, вспоминаем, говорим. Танеева не читала и не слышала никогда. Обнимаю за себя и НН. вас обоих от всего сердца. Пишите. Не забывайте. Милому Томпсону привет.

Во время войны Прены вынуждены были трижды менять квартиры: в их дома попадали бомбы – из Лондона они переехали на север Шотландии, в Обан. Весной 1941 г. в Академии искусств в Эдинбурге проходила выставка; знакомый

²² Княгиня Надежда Владимировна Дондукова-Изъединова (1867–?). Дочь действительного статского советника князя Владимира Михайловича Дондукова-Корсакова (1840–1902) и его жены Марии Александровны, рожд. баронессы Фредерикс. Жена, с 1889 г., Льва Ивановича Изъединова (1864–1939), который с 1907 г. получил право именоваться князем Дондуковым-Изъединовым. – Прим. М. Талалая.

шотландский пейзажист Чарльз Нэпьер предложил Эрику Прену в ней участвовать, и одна картина Прена была принята – на открытие выставки они поехали вдвоем с Ириной. Эдинбург напомнил Ирине родной Петербург – осенью 1948 г. они в нем окончательно осели, и письма во Флоренцию шли уже отсюда. Однако сохранились послания только в одну сторону – от Лоховой, и в фонде Э.Д. Прена есть еще одно в Лондон, от 11 февраля 1947 г.:

Ирочка моя дорогая, только вчера 10го получила Вашу посылку и спешу сообщить об этом и горячо обнять Вас и Эр. Дм. за подарок и от души передать благодарность от НН. за чай, от меня – за сахар, который весь я присвоила (никогда не испытывала в жизни такого желания чего-ниб. сладкого, а нам дают по 1 (неразб.) на человека в месяц. Н.Н. уже 3 года из-за подозрения *diabeta* сахара не полагается, достаем сахарин ему), коробочку мяса отнесли Марии²³ в госпиталь, где ей делали операцию на ноге, теперь ей хорошо и в четверг 13го она вернется домой; коробочку сыру я оставляю к приезду Лиды, а манную крупу Николайчику – видите, всех Вы побаловали, и все шлют вам обоим спасибо большое. Сейчас здесь не найти манной. Слава Богу, холод как будто проходит, снег растаял, даже на горах подле Флор. не видно, все реки и Арно разлились, пришлось *Ponte di Ferro* укрепить, а временные мосты закрыты на 2 дня. В Милане мороз был 10 и 12^о под нулем, а снегу до метра, так что вся жизнь была парализована, очистка улиц обошлась в много миллионов. Но в домах еще холодно и очень сыро, иногда кажется, что никогда не проглянет солнце и не прояснится небо. Но всё проходит, пройдет и это. Вчера приехала подруга Лиды из Милана, говорит, что Лида поправилась, чувствует себя бодро и счастлива своим младенцем, который (по словам *Fernand*'ы) очень миленький, забавный, всем улыбается и очень внимательно слушает диски – граммофон. Дома у нас нового ничего нет. НН. окончил работу, но заказчик хочет, чтобы вещь была точно такой, как оригинал (совсем темный от многих безобразных лакировок, черных масляных пятен и грязи). НН. с горечью должен исполнить это разрушение, да и золотую раму тоже, много возни, кропотливой неблагоприятной работы

²³ Жена Бориса Лохова.

Эрик Прен. Автопортрет с женой.
Предоставлен А. Пайман (Лондон). Публикуется впервые

в холодной студии без стекол – поэтому настроение у него мрачное. Только по воскресеньям в концерте он отдыхает морально и физически. Выставок пока нет, но обещают скоро фламандцев показать. Будет очень приятно после долгого перерыва полюбоваться ими. Будет большое событие, когда окончат двери Ghiberti и засияет эта porta del Paradiso²⁴ золотом. Я не ходила смотреть реставрацию, но все единодушно в восторге и прав оказался НН., когда писал и говорил, и доказывал, что главный порок всех копий в том, что все хотят, чтобы копия была точно такая, как оригинал в его современном состоянии, после многих столетий жизни, многих реставраций, лакировок, грязи, пыли и т.д., когда то, что мы сейчас считаем оригиналом, часто очень и очень далеко от того истинного оригинала, когда он был создан. Вообще жизнь здесь очень-очень медленно входит в русло. Как мы, славяне, отличны от латинской расы! Здесь столько слов, фраз, жестов, что за этим забывается существенное, смысл и дух всего и когда надо приступить к делу, к работе, то оказывается, что нет ни людей, ни опыта, ни плана, ни энтузиазма – всё и все «в не тех». Бесконечное количество газет и ни одной серьезно осведомленной, серьезно ведомой. Мне присылает одна знакомая из Парижа «Рус. Новости», насколько эта газета ведется интереснее, толковее, осведомленнее, оставив в стороне ее тенденции. Читаю Nouvelles litteraires²⁵, всё новые имена, нам совсем не знакомые, и книги такие «нового» духа, что страшно становится – не то, что автор нагишом по площади гуляет, но иллюстрирует тут же все свои ощущения. Патология? Болезнь? Или проявление «всё позволено»? Куда же идет самое высшее, что заложено в человеке, его чувство красоты, неразрывно связанное с этикой и правдой? Конечно, пройдет и эта полоса в свой срок. Но страшно, что не поднимается властный голос против этой новинки. Где же настоящие критики? Где истинного искусства служители и поклонники? Очень-очень грустно сознавать, что мы, старики, попали в этот хаос и уже не выберемся и не увидим ни начала новых путей, ни проблеска нового подхода к жизни. Пока только усталость и одно желание «покоя» – уйти, не видеть, не слышать, не знать...

²⁴ «Врата Рая» – прозвание бронзовых дверей флорентийского Баптистерия, изваянных в первой половине XV в. Лоренцо Гиберти.

²⁵ «Литературные Новости» – французский литературный и художественный журнал, выходивший в 1922–1985 гг.

Дорога Ирочка, простите за мои стариковские излияния. Думала писать Вам что-ниб. бодрое, приятное, а вышло скучное. Но скоро напишу опять, авось потеплеет, НН сдаст работу и на душе станет легче и свободнее. Обнимаю горячо со всею любовью за себя и НН. Вас, моя дорогая, и Эр. Дм. Приветы Вашему отцу.

М.А.²⁶

После смерти Николая Николаевича именно Ирина Прен заставила Марию Митрофановну писать воспоминания, и только благодаря этому нам удалось многое, если не почти все, восстановить в биографии художника.

Первый раз после 1939 г. Прены побывали во Флоренции в 1952 г. Встреча старых друзей была сердечной и радостной. Вместе побывали на могиле Николая Николаевича и в его мастерских на виа Артисти²⁷. Кирилл Соколов²⁸, знакомый Э. Прена, в галерее Уффици помог получить разрешение на исследовательскую работу и фотографирование памятников *in situ*²⁹ и в процессе реставрации. Теперь уже каждую осень Прены бывали в Италии и, конечно, обязательно – во Флоренции, продолжая общаться «с Лоховыми и заезжими из Канады Климовыми»³⁰.

²⁶ РАЛ, MS 1482 Eric Prehn Papers. П. 5.

²⁷ Мария Митрофановна уже жила в студии.

²⁸ Муж Аврил Пайман.

²⁹ На своем месте (*лат.*) – обозначение артефактов, оставленных там, где они обнаружены или постоянно находятся.

³⁰ Пайман А. Указ. соч. С. 149.